
Л. В. СОКОЛОВА

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
С.-Петербург, Россия

«Сказание о Мамаевом побоище» как полемика с «Летописной повестью о Куликовской битве»

РЕЗЮМЕ

Вопрос о взаимоотношении «Летописной повести о Куликовской битве», восходящей к своду митрополита Фотия 1418 г. и «Сказания о Мамаевом побоище» долго оставался спорным: одни исследователи видели непосредственную связь между этими произведениями, другие ее отрицали. В статье обосновывается тезис о том, что «Сказание» не просто создано после «Летописной повести» и на ее основе, но в определенной степени содержит полемику с ней относительно роли главных героев в Куликовской битве. В «Летописной повести» главным героем битвы выступает великий князь московский Дмитрий Иванович. По поводу того, как он представлен в «Сказании», мнения ученых разделились. Одни полагают, что автор «Сказания» создал ему своего рода панегирик, приближающийся к агиографическим похвалам, по представлению других — его роль в сражении автор минимизировал и исказил. Сопоставив сведения «Летописной повести» и «Сказания» о роли в битве участников сражения, автор статьи пришел к выводу, что можно говорить о принципе парности главных героев в «Сказании», которые дополняют друг друга, а точнее — о мотиве эпического двойничества. При этом роль героического князя-воина отведена автором Владимиру Андреевичу Серпуховскому, а Дмитрий Иванович выступает в качестве идеального христианина, обеспечившего победу над врагом своей непоколебимой верой в Христа, пространными молитвами, полученным благословением на битву с Мамаем «за землю Русскую и за веру христианскую». Иные типы двойничества являют собой в «Сказании» братья Ольгердовичи и Пересвет с Ослябей.

Ключевые слова: «Летописная повесть о Куликовской битве», «Сказание о Мамаевом побоище», литературная полемика, герои Куликовской битвы, Дмитрий Донской, Владимир Серпуховской, принцип парности героев, мотив «эпического двойничества».

Lidia V. Sokolova (Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia). The Narration of the Battle with Mamai as a Polemic against the “Chronicle Story of the Battle of Kulikovo”

ABSTRACT

The relationship between the text of the “Chronicle Story of the Battle of Kulikovo” (“Lетописная повесть о Куликовской битве”), which is found in several chronicles based on the chronicle compilation of Metropolitan Photius of the year 1418, and the *Narration of the Battle with Mamai (Skazanie o Mamaevom poboiishche)* has long remained a matter of controversy. While some scholars asserted that these works were directly connected, others rejected this idea. This article argues that the *Narration of the Battle with Mamai* was not only created later and based on the “Chronicle Story” but also contains polemics against it regarding the

role of the main participants in the battle of Kulikovo. In the “Chronicle Story,” the main hero of the battle is Grand Prince of Moscow Dmitrii Ivanovich. Scholars are divided in their opinion over his representation in the *Narration*. Some of them believe that this text presents a kind of panegyric to the prince, but others argue that the *Narration* belittles and distorts his role in the battle. Based on the comparison of what the “Chronicle Story” and the *Narration* say about the role of the participants in the battle, the author of the article suggests that this discrepancy can be resolved if we assume the use of the motif of epic duality or the principle of pairing of complementing main characters in the *Narration*. In this case, the role of the heroic warrior prince is assigned to Prince Vladimir Serpukhovskoi, while Grand Prince Dmitrii Ivanovich acts as an ideal Christian, who receives a blessing for the battle with Mamai “za zemliu Russkuiu i za veru hristianskuiu” (for the Russian land and for the Christian faith) and ensures the victory over the enemy by his unshakable faith in Christ and extensive prayers. The *Narration* also presents other types of epic duality in the pairs of the brothers Olgerdoviches, the monks Peresvet and Osliabia, and other characters.

Keywords: Chronicle Story of the battle of Kulikovo, Narration of the Battle with Mamai, literary polemics, participants in the battle of Kulikovo, Dmitrii Donskoi, Vladimir Serpukhovskoi, pairing of heroes, motif of epic duality.

Вопрос о взаимоотношении памятников Куликовского цикла очень важен, в том числе для уяснения того, как менялось со временем отношение к Куликовской битве и ее героям. Между тем до сих пор нет ясного представления о порядке появления памятников Куликовского цикла и их дальнейшем взаимовлиянии. В частности, «Задонщина» большинством ученых считается первым памятником цикла, возникшим в XIV в., вскоре после битвы. О первичности «Задонщины» по отношению к «Летописной повести» и «Сказанию о Мамаевом побоище» в XX веке писали Л. В. Черепнин,¹ Л. А. Дмитриев,² А. Н. Робинсон,³ Р. Г. Скрынников⁴ и др. А. Е. Петров также полагает, что «„Сказание о Мамаевом побоище“ — самый поздний ⟨...⟩ памятник Куликовского цикла», возникший после «Задонщины».⁵ Исследователи 2000-х гг, ставившие своей задачей проследить эволюцию восприятия Куликовской битвы и ее персонажей в произведениях Куликовского цикла, первым произведением о Куликовской битве продолжают считать «Задонщину». А. И. Филюшкин в герменевтическом исследовании памятников Куликовского цикла отмечает, что «наиболее ранним из них традиционно считается „Задонщина“, созданная, как убедительно доказано М. Н. Тихомировым и Г. Н. Моисеевой, между 1380-м и 1393 гг.». По мнению исследователя, «о первоначальном светском, воинском восприятии Куликовской

¹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 598.

² Дмитриев Л. А. 1) Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 322—330; 2) Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 385—439.

³ Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 10—38.

⁴ Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 58.

⁵ Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 23.

победы свидетельствует ее изображение в самом раннем произведении — „Задонщине“». ⁶ В книге А. О. Амелькина и Ю. В. Селезнёва «Задонщина» названа одним из главных источников «Сказания о Мамаевом побоище». ⁷ В. Н. Рудаков, задавшись целью проследить эволюцию восприятия образов монголо-татар в представлениях древнерусских книжников, обзор памятников Куликовского цикла также начинает с «Задонщины», затем рассматривает изображение монголо-татар в так называемом «Кратком рассказе о Куликовской битве», переходит от него к «Летописной повести» и завершает обзор «Сказанием о Мамаевом побоище», оговариваясь, однако, что последовательность создания памятников не установлена. ⁸ В рецензии на книгу В. Н. Рудакова Ю. В. Селезнёв не сомневается, что «Задонщина» появилась раньше «Летописной повести». ⁹ При публикациях памятников Куликовского цикла первым помещается текст «Задонщины», затем — летописных повествований, а после них — различных редакций «Сказания о Мамаевом побоище». Между тем текстологическое исследование памятников Куликовского цикла привело нас к выводу, что «Задонщина» не открывала, а завершала Куликовский цикл, ее автор основывался на «Летописной повести о Куликовской битве» и «Сказании о Мамаевом побоище». ¹⁰ Наше исследование подтверждает справедливость мнения С. К. Шамбинаго и М. А. Салминой о зависимости «Задонщины» от «Летописной повести о Куликовской битве». ¹¹

Исследователи по-разному отвечали также на вопрос, каково взаимоотношение «Летописной повести о Куликовской битве» ¹² и «Сказания о Мамаевом побоище», которое сохранилось в нескольких редакциях, наиболее ранними из которых являются: Основная, Летописная, Киприановская, Распространенная. ¹³ Некоторые ученые — В. С. Мингалев, М. А. Салмина,

⁶ Филлюшкин А. И. «Куликовский цикл»: Опыт герменевтического исследования // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 173, 176.

⁷ Амелькин А. О., Селезнёв Ю. В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011. С. 58—93 (Глава 2. Куликовская битва в освещении письменных памятников).

⁸ Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII — XV в. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 125—173.

⁹ Ю. В. Селезнёв, в частности, пишет: «В памятнике («Летописной повести»). — Л. С.) впервые в летописной традиции декларируется намерение Господа помиловать Русь (этот мотив ранее присутствует в поэтической „Задонщине“)» (Селезнёв Ю. В. Poleмические заметки об образе татар в русской средневековой книжности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). Январь—Июнь. С. 224).

¹⁰ См. об этом: Соколова Л. В. 1) История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // РЛ. 2020. № 3. С. 153—164; 2) Прозаическое «Сказание о Мамаевом побоище» и поэтическая «Задонщина»: история взаимовлияния // Прекраснейшей: Сб. памяти Елены Дущечкиной. СПб., 2022. С. 16—24.

¹¹ Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 132; Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 376—383.

¹² В литературе принято обозначать летописные повествования о Куликовской битве как «Краткая летописная повесть» и «Пространная летописная повесть». Представляется более верным именовать «Краткую летописную повесть», входящую в летописный свод 1408 г., «Летописным рассказом о Куликовской битве», а «Пространную летописную повесть», восходящую к своду митрополита Фотия 1418 г., — «Летописной повестью о Куликовской битве».

¹³ См.: Дмитриев Л. А. Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 449—480.

В. А. Кучкин, Б. М. Клосс — высказывали мысль, что «Сказание» создано после «Летописной повести» и на ее основе.¹⁴ М. А. Салмина указала на целый ряд сюжетных совпадений в «Летописной повести» и «Сказании», сделав вывод: «...оба памятника настолько близки друг другу и в сюжетной линии, и в композиционном построении, и в обращении к одним и тем же фактам, к одним и тем же мотивам, что представляется несомненным — или эти памятники влияли друг на друга, или они восходили к одному источнику».¹⁵ М. А. Салмина привела также шесть примеров *текстуальной* зависимости «Сказания» от «Летописной повести» и пришла к заключению, что между памятниками прямая связь, а именно — «Сказание» создано на основе «Летописной повести». Л. А. Дмитриев, признавая, что в «Сказании» и «Летописной повести» действительно много общего в освещении и интерпретации фактов, тем не менее отрицал прямую связь между памятниками. Он отметил, что доказательства С. К. Шамбинаго и В. С. Мингалевы строились на ошибочном представлении о первоначальности *Летописной редакции* «Сказания», автор которой при редактировании «Сказания» использовал текст «Летописной повести о Куликовской битве». Попытки М. А. Салминой доказать *текстуальную* зависимость одного памятника от другого Л. А. Дмитриев признал неубедительными, он считал более обоснованным высказанное А. А. Шахматовым предположение, что оба памятника пользовались каким-то общим источником.¹⁶ Б. М. Клосс, присоединившись к мнению о зависимости «Сказания» от «Летописной повести», заметил, что «перекличка образов, композиционной структуры, отдельных фрагментов текста „Сказания“ и „Летописной повести“ настолько бросаются в глаза, что предполагать их независимое происхождение невозможно».¹⁷ По его мнению, автор «Сказания» пользовался списком «Летописной повести», входящей в СИЛ старшего извода. Но, к сожалению, он привел лишь один пример большей текстологической близости «Сказания» к СИЛ старшего извода, нежели к Н4Л.¹⁸

На наш взгляд, «Сказание» написано не просто позже «Летописной повести» — оно представляет собой в определенной степени *полемику* с ней. Следовательно, «Летописная повесть» и «Сказание» не могут восходить к общему источнику. В настоящей статье рассматривается вопрос о том,

¹⁴ Мингалев В. С. «Летописная повесть» — источник «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1966. Т. 24, вып. 2. С. 55—72; Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 98—124. В. А. Кучкин, полагая, что автор «Сказания» был знаком с полной, Пространной редакцией «Задонщины» (он ссылается на статью Л. А. Дмитриева о вставках из «Задонщины» в «Сказании»), одновременно отмечает, что «Сказание о Мамаевом побоище» построено по плану Пространной летописной повести о Куликовской битве (Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. ст. М., 1990. С. 108). По мнению Б. М. Клосса, автор «Сказания» пользовался списком «Летописной повести» в составе СИЛ старшего извода (Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memorem: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 253—255).

¹⁵ Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище». С. 118—119.

¹⁶ Дмитриев Л. А. 1) Литературная история памятников Куликовского цикла. С. 342—347; 2) Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 378.

¹⁷ Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище». С. 254.

¹⁸ Там же. С. 254—255.

какими предстают в названных памятниках главные герои, как оценивается их роль в Куликовской битве и с чем связано различие между памятниками в трактовке событий 1380 г.

А. Н. Робинсон в 1980 г. отметил, что, изучая внутренние связи между памятниками Куликовского цикла и время возникновения каждого из этих произведений, исследователи значительно меньше внимания уделили вопросам своеобразия каждой «повести» данного цикла. «Вместе с тем, — заметил ученый, — для всех исследователей достаточно очевидно, что ни одна из повестей о Куликовской битве не является документальным описанием события и каждая из них представляет собой литературное произведение с собственными задачами повествования», «только ей свойственным литературным типом». Наиболее показательными в этом отношении являются, по мнению исследователя, «различия данных повестей по изображению в них героев битвы, т. е. одних и тех же исторических лиц, и русского войска в целом».¹⁹

А. Н. Робинсон дал интересный анализ изображения главных героев в каждом из трех основных произведений Куликовского цикла. Но сверхзадачей исследователя было проследить эволюцию героических образов. По его мнению, отмеченные им различия в принципах идеализации героев и, очевидно, в самом понимании героизма «позволяют говорить об определенной стадийно-литературной типологии повестей о Куликовской битве».²⁰ Однако А. Н. Робинсон исходил при этом из традиционного (на наш взгляд, неверного) представления о последовательности создания произведений, считая «Задонщину» первым по времени произведением цикла, созданным в XIV в. А исходя из ошибочного представления об очередности появления памятников, нельзя выстроить правильную *стадийно-литературную* типологию.²¹ По этой причине ошибочным, на наш взгляд, был и вывод Р. Г. Скрынникова относительно того, как менялось изображение героев в памятниках Куликовского цикла.²² Если наше представление о том, что

¹⁹ Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве. С. 16—17.

²⁰ Там же. С. 37. Подводя итог рассмотрению эволюции героических образов в произведениях о Куликовской битве, А. Н. Робинсон пишет: «В „Задонщине“, как мы видим, господствовал однолинейный эпический принцип идеализации героев, основанный на традиционных военных представлениях о геройстве, „чести“ и „славе“, восходящих к временам Киевской Руси. В „Летописной повести“ отчасти, а в „Сказании“ в полной мере герои изображаемого события приобрели идеализацию двухстороннего характера. С одной стороны, как полководцы и воины в плане светском эпическом, а с другой — как благочестивые христиане в плане церковно-книжном. Первый принцип способствовал изображению главным образом героизма массового, т. е. русских войск в целом, а второй — героизма индивидуального, т. е. лиц исторических (Дмитрия Ивановича, Владимира Андреевича, Александра Пересвета и др.). Наиболее сильно обе эти тенденции проявились по отношению к эволюции образа главного героя всех повестей — Дмитрия Донского» (Там же).

²¹ А. Н. Робинсон полагал, что «дифференциация повестей по принципу стадийной типологии может быть относительно независимой от до сих пор спорных вопросов источниковедческих и текстологических, возникающих главным образом по поводу разных датировок повестей и различных представлений об их взаимосвязях и связях с другими памятниками» (Там же).

²² Р. Г. Скрынников заключил, что на страницах «Задонщины» «перед лицом грозного врага великий и удельный князь явили пример подлинного „одиночества“ и братства. (...) В идеальном изображении двух московских князей заключен был горячий призыв к единению всех русских князей. В „Сказании о Мамаевом побоище“ обрисованная тенденция приобрела искаженный характер. Фигура удельного князя все больше стала заслонять фигуру великого князя

«Задонщина» являлась заключительным произведением Куликовского цикла, соответствует действительности, тогда эволюция героических образов шла в обратном порядке — от «Летописной повести» к «Сказанию о Мамаевом побоище» и от них — к «Задонщине», автор которой учитывал сказанное его предшественниками. И так называемая «архаичность» литературной формы «Задонщины» обусловлена не древностью памятника (XIV в.), как думал А. Н. Робинсон, а сознательным обращением автора в середине XV в. к поэтической форме светского произведения в подражание «Слову о полку Игореве».

Прежде чем перейти к рассмотрению заявленной проблемы, охарактеризуем кратко первоначальное, по нашему мнению, произведение из трех пространственных повествований о Куликовской битве.

«Летописная повесть о Куликовской битве»

Изучение летописных повествований о Куликовской битве привело нас к выводу, что первоначальным известием о ней (не считая синодика²³) была краткая летописная заметка под 1380 г. в великокняжеском «Летописце великом русском» Дмитрия Донского,²⁴ сохранившаяся, по нашему мнению, в третьей части Московско-Академической летописи.²⁵ Вероятно, тем же летописцем еще при жизни Дмитрия Ивановича (ум. в 1389 г.) была создана не дошедшая в своем первоначальном виде *повесть* о Куликовской битве, назовем ее «Внелетописная повесть о Куликовской битве».²⁶ Составитель первого общерусского митрополичьего свода 1408 г. создал *рассказ* о Куликовской битве, используя наряду с краткой заметкой «Летописца великого русского» «Внелетописную повесть о Куликовской битве» (точнее — ее Дополненную редакцию²⁷), из которой он заимствовал некоторые фактические подробности.²⁸ При включении в летописный свод митрополита Фотия

Дмитрия Ивановича, и подле двух героев битвы возник третий — Сергей Радонежский» (*Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения. С. 58*).

²³ Р. Г. Скрынников, говоря о синодике, в который были включены имена павших на Куликовом поле, пишет: «Фактически синодик является самым ранним памятником истории Куликовской битвы. Он непосредственно отразил происшедшее. Этот источник лишен какой бы то ни было тенденциозности. В синодике записаны имена двух союзных князей, восьми московских бояр и воевод. Все они принадлежали к командному составу русской армии. Последним в списке записан командир сторожевого отряда» (Там же. С. 62).

²⁴ Ссылка на него имела под 1392 г. в Троицкой летописи и известна по выписке Н. М. Карамзина (примеч. 148 к тому V «Истории государства Российского»). Согласно гипотезе М. Д. Приселкова, летописец представлял собой московскую великокняжескую летопись, доведенную до 1389 г. (*Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 168—179*).

²⁵ *Соколова Л. В. Летописные повествования о Куликовской битве: (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 321—323.*

²⁶ Там же. С. 318—321.

²⁷ О том, на основании чего выделяется Дополненная редакция «Внелетописной повести», см.: *Соколова Л. В. Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? (К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести») // ТОДРЛ. СПб., 2018. Т. 66. С. 80—82, 94.*

²⁸ *Соколова Л. В. 1) Летописные повествования о Куликовской битве: (К вопросу о взаимоотношении памятников). С. 318—323; 2) Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи) // Академик А. А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие: Сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 294—308.*

1418 г. Дополненная редакция «Внелетописной повести о Куликовской битве» была существенно отредактирована,²⁹ по всей видимости, Епифанием Премудрым,³⁰ ее текст известен нам как «Летописная повесть о Куликовской битве», читающаяся в СЛ, Н4Л и во второй подборке НК.

В «Летописной повести», в основе которой лежит «Внелетописная повесть о Куликовской битве», довольно подробно освещаются события 1380 г. Отмечается, что сбор отрядов разных княжеств был в Коломне, указывается, кого из воевод князь оставил временно в Москве. Сообщается маршрут похода, говорится о том, что Дмитрий Иванович с войском остановился у Оки, в устье Лопасни, «перенимаа вѣсти отъ поганыхъ»; что здесь присоединились к русскому войску князь Владимир Андреевич, воевода Тимофей Васильевич и все воины, что были оставлены в Москве. Называются точные даты: из Коломны объединенное войско вышло 20 августа, «возитися за Оку» начали за неделю до Семенова дня, «въ день недѣлныи»; уточняется, что Дмитрий Иванович «со своим двором» переправился через Оку не в воскресенье, как все войско, а в понедельник, что великий князь пришел к Дону за два дня до Рождества Пресвятой Богородицы, что битва произошла на сам праздник, 8 сентября. О составе русского войска в «Летописной повести о Куликовской битве» не говорилось, лишь называлось общее число воинов: «всихъ ратей числомъ с полтораста тысящъ или съ двѣсте», сообщалось об участии в походе литовских князей — братьев Ольгердовичей. Особое внимание уделено в «Летописной повести» спору по поводу того, следует переходить Дон или нет. При этом сообщение о благословенной грамоте Сергия Радонежского, которая якобы повлияла на принятое Дмитрием Ивановичем решение о переправе через Дон, — позднейшая вставка в первоначальный текст Повести.³¹ В «Летописной повести» приводятся многочисленные молитвы Дмитрия Донского, сообщается о благословении коломенским епископом Герасимом князя и всех воинов «поити противу нечестивых агарян». Автор повести отмечает, что Мамай побежал первым, а увидев это, побежали его князья и прочие воины; что русские гнали татар до реки Мечи, где множество бежавших потонули, а оставшихся — до их стана, где взяли много богатства. Перечисляются имена погибших русских князей и военачальников, читавшихся в синодике и, вероятно, в «Летописце великом русском».

Далее рассказывается о событиях, произошедших после битвы: о бегстве Ягайло, не успевшего на битву «за днище или меньши», о стоянии русских

²⁹ В частности, в «Летописную повесть» внесено обвинение Олега Рязанского в том, что он вступил в сговор с Мамаем и литовским князем Ягайло и посылал свои войска на помощь Мамаю. Внесены и некоторые риторические пассажи. См. об этом: *Соколова Л. В.* Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? (К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести»).

³⁰ *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 88—122; *Бобров А. Г.* Летописный свод митрополита Фотия: (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 137.

³¹ Обоснование этого см. в статьях: *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 119—120; *Соколова Л. В.* 1) Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву // IX Чтения по истории и культуре Древней и Новой России: [К 700-летию преподобного Сергия Радонежского]: Материалы науч. конф. (Ярославль, 25—27 сент. 2014 г.). Ярославль, 2016. С. 71—72; 2) Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? С. 89—90.

воинов-победителей «на костях», о прославлении ими Бога и Богородицы, о захоронении павших христиан, о похвале великого князя дружине, о его возвращении «в свою отчину с побѣдою великою» и с богатой добычей. Сообщается также об ограблении рязанцами русских воинов, возвращавшихся с битвы, о бегстве Олега (испугавшегося мести московского князя) из Рязани, где Дмитрий Иванович посадил своих наместников. Кратко говорится о судьбе Мамаю, о воцарении в Орде Тохтамыша и посылке к нему русскими князьями своих «киличеев» со многими дарами, что означало признание вассальной зависимости от Тохтамыша.³² Сведения «Летописной повести» выглядят достоверными, полученными от участников похода (за исключением некоторых преувеличений и позднейших вставок в первоначальный текст).

Автор «Внелетописной повести о Куликовской битве» взял за образец литературной формы «Повесть об Александре Невском», заимствовав из нее план изложения, значительное количество выражений и оборотов, формулу боя, рассказ о чуде Бориса и Глеба.³³ Составитель повести пользовался также паремийным чтением о Борисе и Глебе и апокрифическим «Словом на Рождество Христово о пришествии волхвов».³⁴ Интересные соображения о других источниках «Летописной повести» привел А. С. Орлов.³⁵ Стиль «Летописной повести» — книжный, риторический, что нашло отражение в метафорах, сравнениях и широком цитировании автором повести библейских текстов (главным образом — псалмов в текстах молитв³⁶), причем риторические пассажи внесены в повесть, по всей вероятности, при ее включении в летописный свод Фотия.³⁷

Перейдем теперь к вопросу о том, что и как говорится об участниках сражения в «Летописной повести» и «Сказании о Мамаевом побоище».

Дмитрий Донской в «Летописной повести»

Если летописная заметка в недошедшем «Летописце великом русском» 80-х гг. XIV в. и летописный рассказ о Куликовской битве в своде 1408 г. ставили своей целью дать краткую информацию о битве с Мамаем, то «Летописная повесть о Куликовской битве» является литературно-публицистическим

³² См. об этом: *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2005. С. 100—101.

³³ Подробное сопоставление «Летописной повести о Куликовской битве» и «Повести об Александре Невском» см.: *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. С. 66—71. Как отметил Ю. К. Бегунов, автор «Сказания» обращался к Житию Александра Невского непосредственно, минуя свой источник — «Летописную повесть», гораздо чаще и шире, чем автор «Летописной повести». Житие Александра Невского оказало большое влияние на стилистический план, композицию отдельных эпизодов, приемы обрисовки основных образов «Сказания о Мамаевом побоище», фразеологию памятника (*Бегунов Ю. К.* Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. С. 484).

³⁴ Об источниках «Летописной повести» см.: *Салмина М. А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». С. 364—370.

³⁵ *Орлов А. С.* Литературные источники повести о Мамаевом побоище // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 157—163.

³⁶ *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. С. 78. См. также: *Дмитриев Л. А., Лихачева О. П.* Историко-литературный комментарий // Сказания и повести о Куликовской битве. С. 388—391.

³⁷ О предполагаемых риторических вставках в «Летописной повести» см.: *Соколова Л. В.* Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? (К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести»).

произведением. Ее целью был рассказ о первой крупной победе русского войска над ордынцами, в связи с чем подчеркивался масштаб Куликовской битвы, ее особый характер. В «Летописной повести» говорится о многочисленности войска Дмитрия Донского: в Коломне собралось 150 000 воинов. «И от начала миру, — пишет автор, — не бывала такова сила русских князей и воевод мѣстных, яко же при сем князи».³⁸ В Повести подчеркивается жесточенность битвы и ее масштабность: «И бысть сеча зла и велика и брань крѣпка, трусь великъ зѣло, яко же от начала миру сѣча не была такова великим княземъ руским, яко же сему великому князю всеа Руси».³⁹

В центре внимания автора «Летописной повести» — князь Дмитрий Донской, возглавлявший русское войско, он предстает защитником Русской земли. Автор создает риторическое восхваление Дмитрия, который переправился через Дон, не устранившись такого множества ратей: против него, согласно «Летописной повести», выступил не только Мамай с большим войском, но и литовский князь Ягайло, и Олег Рязанский. Сообщается, что Дмитрий начал сражение в сторожевом полку, первым вступившим в бой, а затем, «не долго попустя», отъехал в великий полк («Самъ же великий князь наѣха наперед въ сторожевых полцѣх на поганого царя Теляка, нареченаго плотнаго дьявола, Мамаа; таче потомъ, не долго попустя, отѣха князь въ великий полкъ. И се поиде великаа рать Мамаева и вся сила тотарьскаа, а отселъ великий князь Дмитрий Иванович съ всеми князи рускими, изрядивъ полки, поиде противу поганых половецъ и съ всѣми ратми своими. И възрѣвъ на небо умилнима очима, въздохнувъ изъ глубины сердца, рече слово псаломское: „Братъе, Богъ намъ — прибѣжище и сила“».⁴⁰

После перечисления имен убитых на поле битвы автор «Летописной повести» пишет, что невзирая на советы князей и воевод Дмитрий Иванович сражался храбро в первых рядах, но не был ранен, поскольку Бог сохранил его невредимым:

«...в(е)сь доспѣхъ его бить и язвен, но на тѣлеси его не бѣше язвы ни коея же, а бился с тотары в лице, ставъ напреду, на первом суимѣ. О сем убо мнози князи и воеводы многожды глаголаше ему: „Княже господинѣ! Не стависи напреду битися, но назади, или крилѣ, или нѣгдѣ въ опришнѣмь мѣстѣ“. Он же отвѣщѣвааше им: „Да како азъ възглаголю: “Братъаа моа, да потягнем вси съ единого”, а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в томъ быти, но хошу яко же словом, такожде и дѣлом напреду всѣх и пред всеми главу свою положить за свою братью и за вся крестьяны, да и прочьи, то видѣвше, примуть съ усердиемъ дръзновение“. Да яко же рече, и тако сътвори: бѣяшеса с тотары тогда, ставъ напреду всѣх. А елико одѣсную и ошюю его дружину его биша, самого же въкругъ оступиша около, аки вода многа обаполы, и многа ударения ударашася по главѣ его и по плещема его и по утробѣ его, но от всѣх сихъ Богъ заступил его въ день брани щитом истинным и оружием благоволения осѣнилъ есть над главою его, десницею своею защитил его, и рукою крѣпкою и мышцею высокою

³⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 17.

³⁹ Там же. С. 20—21.

⁴⁰ Там же. С. 20.

Богъ избавилъ есть, укрѣпивый его, и тако промежи ратными многими цѣлъ съхранень бысть».⁴¹

И далее автор «Летописной повести» в качестве объяснения этого цитирует псалом 43, ст. 7: «Не на лукъ бо мой уповаю, и оружие мое не спасеть менѣ» — и псалом 90: «Вышняго положилъ еси прибѣжище твое; не придет к тебѣ зло и раны не приблизится к телѣси твоему, яко ангелом своимъ заповѣсть о тебѣ съхранит(ь) тя въ всѣхъ путехъ твоихъ» (ст. 9—11); «и не убоишия от стрѣлы, лѣтящия въ день» (неточная передача ст. 5).

В заключение сообщается, что князь Дмитрий Иванович с братом своим Владимиром Андреевичем, и с князьями русскими, и с воеводами, и со всеми оставшимися в живых воинами «ставъ той ночью на поганыхъ обѣдищихъ, на костехъ тотарскихъ, утеръ поту своего и, отдохнувъ от труда своего, велико благодарение принесе к Богу, давшему такому на поганья побѣду». Благодарит он и Богородицу: «И ты, Богородице, помиловала еси милостию Своею нас, грѣшныхъ рабъ своихъ, и всѣ родъ крестьяньский, умолила еси бездѣтнаго сына своего». «Похваливъ» свою дружину, «иже крѣпко бишася съ иноплеменики, и твердо бравшеся, и мужески храброваша и дерзнуша по бозѣ за вѣру крестьяньскую», «христоробивый князь» Дмитрий Иванович «възвратися отгуду въ богохранимый град на Москву, въ свою отчину, с побѣдою великою, одолѣвъ ратнымъ, побѣди врагы своя».⁴²

Дмитрий Донской в «Сказании о Мамаевом побоище»

Если в «Летописной повести» великий князь московский в соответствии с традицией представлен, по сути дела, единственным героем битвы, то автор «Сказания», вводя в действие других персонажей, существенно изменяет трактовку образа Дмитрия Донского.

В «Сказании» подробно описывается организация великим князем Дмитрием Ивановичем похода против Мамаю. При этом, по «Сказанию», он постоянно молится, посещает разные храмы, дважды встречается с митрополитом Киприаном, вместе со всем войском отправляется в Троицкий монастырь к Сергию Радонежскому за благословением. Но во время боя он, по сути дела, отказался от руководства сражением. Перед началом битвы Дмитрий Иванович обменялся доспехами и конем с боярином Михаилом Бренком, который занял место великого князя под его «ччерным» стягом. В «Сказании» затем подчеркнута, что под этим знаменем и погиб Михаил Бренко; он был найден на поле боя в доспехах и шлеме великого князя Московского. В последующем повествовании о поведении великого князя Московского во время битвы сообщается только то, что после поединка Пересвета с богатырем из войска Мамаю Дмитрий Иванович отдает приказ начать битву («уже бо врѣмя подобно, и час прииде храбрость свою комуждо показати»⁴³), и то, что он храбро сражался с четырьмя «татаринами». Затем Дмитрий Иванович был сбит с коня, ранен и укрылся «в дебри»: «Самого же великого князя уязвиша велми и с коня его збиша, онъ же нужею склонился с побоища, яко

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² Там же. С. 23.

⁴³ Там же. С. 43.

не мощно бѣ ему к тому битися, и укрыся в дебри, Божию силою съхранень бысть».⁴⁴ И только после окончания сражения он вновь, забыв о якобы тяжелом ранении, выступает в роли предводителя войска, объезжает поле битвы, организует захоронение русских воинов. Дмитрий Иванович, по «Сказанию», постоянно действует совместно с Владимиром Андреевичем Серпуховским, здесь подчеркнута роль и других участников сражения: братьев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, Дмитрия Михайловича Боброка Волынца.

М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и Р. Г. Скрынников видели в «Сказании» руку недоброжелателей московского великого князя Дмитрия Ивановича. По мнению М. Н. Тихомирова, «Сказание» прославляло литовских князей Ольгердовичей, а также Владимира Андреевича Серпуховского как героев битвы. Наоборот, «Дмитрий Донской изображен почти трусом. Это — сознательное искажение действительности, а не простой литературный прием».⁴⁵ М. Н. Тихомиров считал, что рассказ о Дмитрие, когда он «лежал без памяти у срубленной березы», представляет собой «своего рода памфлет, направленный против великого князя и, вероятно, возникший в кругах, близких к Владимиру Андреевичу Серпуховскому».⁴⁶

Сходную точку зрения высказал Л. В. Черепнин. По его мнению, автор «Сказания», сообщая о переодевании Дмитрия Донского накануне боя, основывался на злонамеренных слухах: «Распространялись слухи о том, что, переодевшись в одежду Михаила Бренка, он уклонился от руководства русскими полками в день сражения и фактическим победителем на Куликовом поле оказался князь Владимир Андреевич».⁴⁷ Сомнительным представлялся эпизод с переодеванием великого князя и Р. Г. Скрынникову, ибо «легенда о переодевании Дмитрия Донского поражает своими несообразностями. Трудно поверить, чтобы князь мог отдать любимого коня кому бы то ни было. Боевой конь значил для воина слишком много, чтобы менять его за считанные минуты до сечи (...) Великокняжеский доспех отличался особой прочностью и был отлично подогнан к его фигуре. Менять его также было бы делом безрассудным».⁴⁸

Л. В. Черепнин полагал, что ранение, заставившее Дмитрия Ивановича фактически выбыть из строя в часы боя, было использовано врагами Московского княжества из числа русских правителей (исследователь называет князей Рязанского и Тверского) и противниками Дмитрия Донского из числа московских и не московских бояр для его опорочения.⁴⁹ Исследователь отметил при этом, что противоречие источников («Летописной повести» и «Сказания») относительно того, был великий князь ранен или нет, попытался устранить составитель Никоновской летописи (редактор включенного в нее «Сказания», т. е. автор Киприановской редакции памятника) путем замены

⁴⁴ Там же. С. 44.

⁴⁵ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. С. 346.

⁴⁶ Там же. С. 370.

⁴⁷ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. С. 619.

⁴⁸ Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения. С. 68.

⁴⁹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. С. 619.

слов «Летописной повести»: «...но на телеси его не бяше язвы никоея же» — словами: «...на телеси же его нигде же смертныя раны обретеса».⁵⁰

Л. А. Дмитриев, глубоко исследовавший литературную историю памятников Куликовского цикла и неоднократно публиковавший их, напротив, был убежден, что Дмитрий Донской рисуется в «Сказании» идеальным князем, *мудрым государственным деятелем и опытным полководцем*, что автор рисует его *личную доблесть и мужество*⁵¹ и что публицистической задачей «Сказания» было *показать первенство великого князя Московского*.⁵² В качестве примера того, что автор «Сказания» рисует личную доблесть и мужество Дмитрия Ивановича, Л. А. Дмитриев указывает как раз на переодевание его перед битвой: «Свое великокняжеское одеяние он отдает любимому боярину Михаилу Бренку, а на себя надевает боевые доспехи (но разве княжеские доспехи были не боевыми? — Л. С.), *чтобы биться с врагом наравне со всеми, как простой воин*».⁵³ Когда войска начинают сходиться, великий князь Московский хочет быть впереди всех. Он сражается в самом центре боя, как богатырь, сразу с несколькими врагами, и, как богатырь, он не убит, но настолько утомлен боем, что *вынужден отъехать в сторону*, где падает *почти замертво*.⁵⁴ (Здесь и далее курсив в цитатах мой. — Л. С.). По мнению Л. А. Дмитриева, великий князь предстает перед нами в «Сказании» не только как «отважный и смелый воин», но и как талантливый полководец: «Узнав о том, что на него идет Мамай, он начинает принимать энергичные меры: созывает князей в Москву, рассылает по Русской земле грамоты с призывом идти на битву против Мамаю, посылает в поле „сторожи“, „уряжает“ полки и призывает воинов сражаться насмерть с врагом».⁵⁵

Более того, по утверждению Л. А. Дмитриева, «Сказание» — это «не только рассказ о битве с татарами, но своего рода панегирик великому князю Московскому, приближающийся к агиографическим похвалам».⁵⁶ Исследователь подчеркивает, что, желая возвысить своего героя, заострить на нем внимание читателя, стремясь нарисовать идеальный образ великого князя Московского, автор «Сказания» пользуется религиозной трактовкой образа Дмитрия Донского: «При первом же упоминании имени великого князя автор рисует его в ярко выраженных религиозных тонах. Эта харак-

⁵⁰ Там же. С. 618—619. См.: ПСРЛ. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (1362—1424 гг.). 3-е изд., [репр.]. М., 2000. С. 63.

⁵¹ Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла. С. 347—348.

⁵² Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище // Повести о Куликовской битве. С. 426—427.

⁵³ Это представление вошло в культурный миф о Куликовской битве. Так же эпизод с переодеванием осмысляет и поэт Константин Сергиенко в стихотворении «Куликовская битва»:

Одеждой меняется с воином князь,
Быть равным на поле сраженья стремясь.

И далее:

В шеломе простом, у бойцов на виду,
Князь Дмитрий с оружием в первом ряду.

(URL: <https://stihi.ru/2012/03/23/1151>).

⁵⁴ Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. С. 429. Отметим, что Л. А. Дмитриев источником ряда эпизодов «Сказания», в том числе эпизода с переодеванием князя и эпизода поисков его среди убитых, как и единоборства Пересвета и испытания примет Дмитрием Волынцем, считает устные рассказы о событиях 1380 г. См.: Там же. С. 435.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 426.

теристика скорее похожа на характеристику святого, чем государственного деятеля: Дмитрий Иванович представляется смиренным христианином, *помышляющим только о небесном* и уповающим во всем на Бога». Л. А. Дмитриев при этом замечает: «Разумеется, подобная ситуация целиком принадлежит автору Сказания, а никак не является отражением действительного положения (...) автору необходимо было показать моральное превосходство великого князя Московского над его врагами: в тот период, когда против него замышляются коварные планы, он занят лишь мыслями о Боге». По мнению ученого, «противопоставляя гордости и „высокоумию“ Мамаю „смиренно-мудрие“ и „кротость“ Дмитрия Донского, автор показывает то главное, по его мнению, различие между двумя враждебными силами, которое явилось основой победы русских над татарами». ⁵⁷ Действительно, Мамай выступает в «Сказании» антиподом великого князя Московского. Религиозная трактовка образа Дмитрия Донского проявляется в «Сказании» и в том, как отметил Л. А. Дмитриев, что перед походом на Куликово поле он призывает всех русских князей бороться за православную веру, называя своих сподвижников «гнездом» князя Владимира Киевского, крестившего Русь, а главное — в его признании собравшимся князьям: «Аз же, братие, за веру Христову хошу пострадати даже и до смерти». ⁵⁸ О стремлении автора создать идеальный образ князя-христианина свидетельствуют и речи-молитвы Дмитрия Ивановича. ⁵⁹

Интересно отметить, что противоречащие друг другу точки зрения М. Н. Тихомирова и Л. А. Дмитриева изложены были в одном издании памятников Куликовского цикла 1959 г.

А. Н. Робинсон, подробно рассмотрев деятельность и поведение Дмитрия Донского во всех трех повестях о Куликовской битве ⁶⁰ и приведя различные, даже противоположные точки зрения исследователей по поводу того, каким изображен главный герой в «Сказании», задался вопросом: «... что же представлял собой по „Сказанию“ образ Дмитрия: панегирик или памфлет?» И ответил на него так: «Наши наблюдения подтверждают приведенное суждение Л. А. Дмитриева о том, что автор „Сказания“ создал панегирик Дмитрию Донскому. (...) Рассматривать образ Дмитрия необходимо в целом, согласно внутренней логике всего повествования, а не по внешним впечатлениям от одного эпизода». ⁶¹

А. Н. Робинсон отмечает эпизоды «Сказания», в которых показана роль Дмитрия Ивановича как предводителя русского войска, главным образом во время подготовки к походу, в сцене церемониального выступления Дмитрия в поход, во время похода, во время смотра войск в Коломне и уряжения полков. Столь же деятельным изображается Дмитрий и в последующих обстоятельствах (троекратное отправление в поле «сторожи», следование

⁵⁷ Там же. С. 427—428.

⁵⁸ Там же. С. 428.

⁵⁹ Д. И. Иванов пишет: «...агиографические черты органично проникают в художественную ткань воинской повести через речи, и образ князя Дмитрия становится персонификацией качеств христианина-праведника — набожности, братолюбия, общерусского патриотизма. Все это позволяет говорить о том, что речи и молитвы связаны с задачей автора идеализировать главного героя, показать его как образец князя, верного Богу и Отечеству» (Иванов Д. И. Речи главных героев в «Сказании» о Мамаевом побоище // Русская речь. 2008. № 4. С. 76).

⁶⁰ Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве. С. 19—25.

⁶¹ Там же. С. 25.

через Рязанскую землю, расположение войск на Куликовом поле и т. п.). Далее исследователь признает: «Но вот наступает необходимость изобразить само сражение, и в этой ситуации, очевидно по замыслу автора, поведение Дмитрия существенно изменяется».⁶² По мнению ученого, тенденция объединения героики и благочестия, присутствующая в «Летописной повести», получает в «Сказании» сильное развитие, и образ Дмитрия становится более сложным. Поменявшись одеждой, доспехами и конем с боярином Михаилом Бренком, Дмитрий Иванович, по словам исследователя, «как бы освобождается от великокняжеского церемониала и получает свободу действий в бою. Он не может быть узан татарами, но узнается русскими, что и необходимо автору для дальнейшего рассказа».⁶³ Из слов Дмитрия Ивановича, что он хочет уподобиться древнему «страстотерпцу» Арефе, А. Н. Робинсон заключает: «Таким образом, усиленно развивая в процессе всего повествования представление о Дмитрии как благочестивом христианине, автор вполне логично подводит своего героя к желанию стать подвижником — «страстотерпцем», пострадать или даже погибнуть в бою за свои идеалы».⁶⁴ Что касается ухода великого князя с поля боя, то это, по словам А. Н. Робинсона, «не бегство, так как автор поясняет: „Божиею силою сохранен быть“ (? — Л. С.)».

А. Н. Робинсон признает непоследовательность в изображении автором «Сказания» Дмитрия Ивановича на поле битвы, он пишет по этому поводу: «Как несомненный мастер повествования, автор и здесь создает такую детально разработанную картину, которая призвана оправдать весь эпизод с участием князя в бою и его страданием»: тяжело раненный Дмитрий, «едва рече», спрашивает об исходе боя.⁶⁵ «Но с типично средневековой непоследовательностью (основанной на вере в „чудо“), — замечает А. Н. Робинсон, — автор мгновенно изменяет старательно созданную им ситуацию подвижничества Дмитрия. Едва только Владимир и другие успевают поздравить Дмитрия с великой победой, как он внезапно и полностью выздоравливает, чтобы снова стать предводителем („пастырем“) всего войска {...} Кардинальная перемена в состоянии героя никого не удивила, так как он сам будто бы объяснил смысл событий: „Велий еси, Господи, и чудна дела твоа суть: вечер вдворися плач, а заутра радость!“»⁶⁶

Как видим, исследователи, утверждавшие, что автор «Сказания» создал панегирик великому князю Дмитрию Ивановичу, не смогли убедительно объяснить с этой точки зрения эпизоды «Сказания», рисующие поведение Дмитрия Ивановича во время боя: переодевание, ранение, уход с поля битвы.

Скорее всего, никакого ранения Дмитрия Ивановича и его ухода с поля боя в действительности не было. Созданная в его окружении «Внелетописная повесть» (основа «Летописной повести») говорила о том, что великий князь не был ранен, и не потому, что оберегал себя (он сражался в первых рядах и получил множество ударов), а потому, что Бог охранял его.

⁶² Там же. С. 21.

⁶³ Там же. С. 22.

⁶⁴ Там же. С. 23.

⁶⁵ Там же. С. 24.

⁶⁶ Там же.

Ранение Дмитрия Ивановича, о котором сообщает автор «Сказания», можно, казалось бы, трактовать как проявление христианской жертвенности: он храбро сражался как простой воин, пролил кровь и едва не погиб, сражаясь за землю Русскую, за веру христианскую. Но лексика, которой пользуется автор «Сказания» при изображении великого князя на поле битвы, и авторские комментарии к его поступкам вряд ли позволяют именно так понимать замысел автора.

Сообщая, что Дмитрий Иванович обменялся с приближенным боярином конем и доспехами, автор «Сказания» поясняет, что своего коня он отдал Михаилу Андреевичу Бренку и свою «приволеку» на него возложил, *«иже бѣ ему любимъ паче мѣры»*. И свое знамя «черное» повелел над ним возить, под которым, — уточняет автор, — Михаил Бренок был убит «за великого князя». ⁶⁷ Из этого пассажа непонятна цель великого князя при обмене конем и одеждой с Михаилом Бренком. ⁶⁸ Этот фрагмент, как справедливо отметил Р. Г. Скрынников, поражает своим неправдоподобием и своими несообразностями. Трудно принять интерпретацию переодевания Дмитрия Ивановича как проявление его геройства, как желание «пострадать», сражаться как простой воин. Неубедительно выглядит и объяснение передачи княжеского знамени Михаилу Бренку: якобы тем самым великий князь стал неузнаваем для татар, но при этом остался узнаваем для русских воинов, что это дало ему свободу действий, возможность освободиться от великокняжеского церемониала (?).

Утверждению о том, что автор «Сказания» дегероизирует образ Дмитрия Донского, казалось бы, противоречит диалог между Дмитрием Ивановичем и его приближенными перед началом сражения, построенный по образцу подобного диалога, читающегося в «Летописной повести». В «Сказании», как и в «Летописной повести», великий князь «всѣде на избранный свой конь и, вземъ копие свое и палицу желѣзную, и подвижесе ис полку, и всъхотѣ прежде всѣхъ самъ битися с погаными <...> за свою великую обиду и за святыя церкви и вѣру христианскую», но приближенные князя просят его не рисковать собой, сражаясь в первых рядах. Однако, в отличие от «Летописной повести», обосновывают это тем, что если князь погибнет, то некому будет «память сотворить» погибшим воинам, а выжившие останутся без пастыря и без вознаграждения:

«Не подобаеъ тебѣ, великому князю, наперед самому в плѣку битися, тебѣ подобаеъ особъ стояти и нас смотрити, а нам подобаеъ битися и мужество свое и храбрость пред тобою явити: егда ты Господь упасеъ милостию своею, и ты разумѣеши, кого чим даровати. Мы же готови есмя в сий день главы своя положиати за тебе, государя, и за святыя церкви и за православное христианство. Тебѣ же подобаеъ, великому князю, рабом своим, елико кто заслужитъ своею главою, *память сътворити*, якоже Леонтий царь Феодору Тирону, въ книги съборныа написати нас, памяти ради русским сыном, иже по нас будутъ. Аще тебе одинаго изгубим, тѣ от кого имамы чаяти,

⁶⁷ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 41—42.

⁶⁸ По вопросу о том, с какой целью Дмитрий Донской поменялся со своим боярином Михаилом Бренком одеянием и доспехами, на сайтах в Яндекс Дзен высказаны различные догадки, вплоть до самых экзотических. Странно, что авторы при этом исходят из того, что такой обмен действительно имел место.

кто по нас память сътворить? Аще вси спасемься, а тебе единого останем, ть кий намъ успѣхъ? И будем аки стадо овчье, не имуще пастыря, влачими по пустыни, и пришедше дивии вльци распудять и, и разбѣжаты овцы кои куды. Тебѣ, государю, подобает себе спасти да и нас».⁶⁹

На это Дмитрий Иванович, прослезившись, отвечает, как и в «Летописной повести», что готов испить общую чашу со своими воинами, приводя в пример страстотерпца Арефу и заключая:

«Тако же и азъ, братие. Кто болши мене в русских сыновѣх почтенъ бѣ и благаа беспрестани приимах от Господа? А нынѣ злаа приидоша на мя, ужели не могу трѣпѣти: мене бо ради единого сиа вся въздвигошася. Не могу видѣти вас, побѣжаемых, и прочее к тому не могу трѣпѣти, и хощу с вами ту же общую чашу испити и тою же смертию умрети за святую вѣру христианскую! Аще ли умру — с вами, аще ли спасуся — с вами!»⁷⁰

Однако эта речь великого князя входит в явное противоречие с тем, что далее сообщается в «Сказании» о его поведении во время боя. И это поведение (уход «пешим» с поля боя, пусть и тяжело раненным) противоречит «кодексу чести» древнерусского воина.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» татары, пораженные богатырской силой воинов Евпатия Коловрата, говорят Батью: «Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи, и не имеюще смерти: тако крѣпко и мужественно ездя, бьяшесе един с тысящею, а два со тмою. Ни един от них может съехати жив с побоища».⁷¹ А великий князь Дмитрий Иванович именно «съехал», ушел с поля боя, его видели «пѣша, и идуща с побоища, уязвена велми»,⁷² что потом не помешало ему сесть на коня и объезжать поле битвы. Приведя по «Летописной повести» ответ Дмитрия Ивановича приближенным, убеждавшим его не рисковать собой, И. С. Руднева пишет: «Это утверждение князя чрезвычайно важно, это та норма поведения князя в бою, отступление от которой является нарушением негласного кодекса чести воина, он не только воевода-полководец, он защитник своего народа, каждого своего воина в строю, на него возложена ответственность за судьбы и жизни людей, вот почему сам Бог заступает за него в бою».⁷³ Кодекс чести воина, в первую очередь князя, сформулирован, согласно «Повести временных лет», князем Святославом Игоревичем в битве с греками в 971 г.: увидев выступивших против русских великое множество греческих воинов, Святослав сказал: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду...»⁷⁴

⁶⁹ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 42.

⁷⁰ Там же. С. 42—43.

⁷¹ Повесть о разорении Рязани Батыем // ПЛДР. Вып. 3: (XIII век). С. 192.

⁷² Сказания и повести о Куликовской битве. С. 46.

⁷³ Руднева И. С. Образ русского воина в древнерусской литературе // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1. С. 198. Отметим, что И. С. Руднева не видит разницы в изображении Дмитрия Ивановича в «Летописной повести» и в «Сказании», считая одинаково героическим поведение великого князя на поле битвы в обоих произведениях.

⁷⁴ Повесть временных лет // ПЛДР. Вып. 1: (XI — начало XII века). С. 84.

При этом во время подготовки к походу, во время похода к Куликову полю и после боя Дмитрий Иванович действительно изображен как организатор сражения с Мамаем, исполняющий функции полководца, предводителя войска. Но надо заметить, что в «Сказании», в отличие от «Летописной повести», великий князь менее решителен, он неоднократно советуется при принятии решений и с митрополитом Киприаном (по поводу предстоящего столкновения с Мамаем и возможности его избежать), и с князьями — участниками битвы (по поводу посылки «сторожи» в поле, по поводу того, переходить Дон или нет, и др.)

Владимир Андреевич Серпуховской в «Сказании»

Принося роль Дмитрия Ивановича в победе на Куликовом поле и даже выставляя его в невыгодном свете, автор «Сказания» подчеркивает роль в битве его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского, который действительно был незаурядным полководцем, не случайно прозванным «Храбрым».

В «Летописной повести о Куликовской битве» имя Владимира Серпуховского фигурирует всего четыре раза с упоминанием при этом и «всех князей русских»: в начале Дмитрий призывает в поход брата и всех князей русских, затем обращается к ним с речью, далее говорится о встрече Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем у Оки, а в конце повести Дмитрий Иванович вместе с братом и со всеми князьями, воеводами и воинами «стоит на костях».

В отличие от «Летописной повести о Куликовской битве», в «Сказании» имя Владимира Серпуховского постоянно упоминается рядом с именем Дмитрия Ивановича.⁷⁵ По «Сказанию», Владимир Андреевич возглавляет при

⁷⁵ Для наглядности приведем примеры, цитируя текст «Сказания» по изданию «Сказания и повести о Куликовской битве» с указанием страниц издания в скобках. Узнав о готовящемся нападении Мамаея, Дмитрий Иванович послал «по брата своего князя Владимира Андреевича в Боровескь, и по всѣ князи русские (<...>) и повелѣ имь скоро быти у себя на Москвѣ». «Князь же Владимиръ Андрѣвичъ прииде вборзѣ к Москве и вси князи и воеводы». «Князь же великий Дмитрей Ивановичъ, поимъ брата своего князя Владимира Андрѣвича, прииде къ преосвященному митрополиту Киприану...» (с. 28). «И поимъ брата своего, князя Владимира Андрѣвича, и поиде второе къ преосвященному митрополиту...». «Князь же великий Дмитрей Ивановичъ з братом своимъ съ княземъ Владимиромъ Андрѣвичемъ и съ всѣми русскими князи и воеводами здумаша, яко сторожу твердо уготовити в полѣ» (с. 29). «Князь же великий Дмитрей Ивановичъ поимъ съ собою брата своего, князя Владимира Андрѣвича, и вся князи русские, и поиде к Жывоначальной Троици на поклонъ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословения получитьи от святыхъ тоа обители». «И поимъ съ собою брата своего князя Владимира Андрѣвича, и ста в церкви святыхъ Богородица пред образомъ Господнимъ...» (с. 31). «Князь же великий Дмитрей Ивановичъ з братом своимъ, съ княземъ Владимиромъ Андрѣвичемъ, поиде въ церковь небеснаго вьеводы архистратига Михаила и бьетъ челомъ святому образу его, и потомъ приступи къ гробомъ православныхъ князей прародителей своихъ...» (с. 32). «Князь же великий отпусти брата своего, князя Владимира, на Брашеву дорогою, а бѣлозерские князи — Болвановскою дорогою, а самъ князь великий поиде на Котель дороною» (с. 33). В Коломне «князь же великий, выехавъ на высоко мѣсто з братомъ своимъ, съ княземъ Владимиромъ Андрѣвичемъ, видяще множество много людей урядныхъ, и въздоровашася и урядиша коемуждо плѣку вьеводу. Себѣ же князь великий взя в полкъ бѣлозерские князи, а правую руку уряди себѣ брата своего, князя Владимира, дасть ему в полкъ ярославские князи...». «Князь же великий, урядивъ плѣку, и повелѣ имь Оку-реку возитися...» (с. 34). Князь Дмитрий Ивановичъ обращается с речью к брату, князю Владимиру Андреевичу (см. с. 35). «Князь же великий нача думати з братомъ своимъ и с новонареченною братиею, с литовскими князи: „Здѣ ли паки пребудемъ или Донъ

первом «уряжении» (в Коломне) полк «правой руки», а во время битвы — засадный полк, благодаря которому произошел перелом в битве и татары обратились в бегство. Храбрость, молодая «буесть» Владимира подчеркивается тем, что он рвется в бой, и только более опытный воевода Боброк Волынец удерживает его от преждевременного выступления из засады. Не случайно именно полк Владимира Андреевича преследует воинов Мамаю до их стана. Возвратившись же на поле битвы, Владимир Андреевич «стал на костях» под княжеским знаменем, по сути дела, как выигравший сражение князь, за которым осталось поле битвы, что было прерогативой князя, возглавлявшего поход. Он же повелевает трубить в «собранные» трубы, созывая воинов к князю, и обращается к ним с речью, что также было прерогативой предводителя войска. Не случайно и то, что «самовидец» именно из полка серпуховского князя поведал о видении, предвещавшем победу русскому войску («Въ седмый же часъ дни облакъ тѣй много вѣнцевъ дрѣжаше и опустишася над плѣкомъ, на головы христьянскыя»⁷⁶).

Возвратившись после преследования ордынцев на поле битвы и не обретя там Дмитрия Ивановича, Владимир Андреевич распорядился разыскать его. Воины долго ищут великого князя и наконец находят его «бита велми» в дубраве, «отдыхаючи ему под сению ссечена древа». Князья и воеводы «падше на ногу его, глаголюще: „Радуйся, князю наш, дрѣвний Ярославъ, новый Александръ, побѣдитель врагом: сия же побѣды честь тобѣ довлѣтъ“. Князь же великий едва рече: „Что есть, повѣдайте ми“». ⁷⁷ Владимир Андреевич сообщает великому князю о победе над врагами и поздравляет его с честью победителя, по праву принадлежащей ему самому. При этом князь Владимир говорит о победе как о достигнутой «милостью Божию и Пречистыя его Матери, пособием и молитвами сродникъ нашихъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба и молениемъ русскаго святителя Петра и пособника нашего и въоружителя игумена Сергия, и тѣхъ всѣхъ святыхъ молитвами врази наши побѣдени суть, мы же спасохомся». ⁷⁸ Как видим, Владимир Андреевич сообщает великому князю, что победе русского войска способствовали Бог, Богородица и те русские святые, которым молился перед битвой Дмитрий Иванович, а также Сергей Радонежский, благословивший его на битву. Тем самым Владимир Андреевич отводит решающую роль в победе помощи последних по молитвам великого князя Московского. В ответ на это Дмитрий Иванович возносит хвалу и благодарность Богу, услышавшему его молитвы и даровавшему победу.

Далее сообщается, что великий князь вместе с братом своим, с князьями и воеводами «нача ездити по побоищу» и оплакивать убитых воинов,

перевеземся?“» (с. 37). После сообщения Семена Мелика о приближении Мамаю «начать князь великий Дмитрий Ивановичъ з братом своим князем Владимиром Андрѣевичем и с литовскими князи Андрѣем и Дмитрием Олгордовичи до шестаго часа плѣци учрежати. Нѣкто воевода прииде с литовскими князи, имянемъ Дмитрий Боброковъ, родомъ Волынские земли, иже нарочитый бысть плѣководецъ, велми оставиша плѣци по достоанию, елико гдѣ кому подобаетъ стояти» (с. 38—39). «Князь же великий, поим с собою брата своего князя Владимира и литовские князи и вси князи русские и воеводы и въехавъ на високо мѣсто и увидѣвъ образы святыхъ, иже суть въображени въ христьянскихъ знамениих...» (с. 39) и т. д.

⁷⁶ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 44.

⁷⁷ Там же. С. 46.

⁷⁸ Там же.

а затем обратился с речью к оставшимся в живых воинам, поблагодарил их и призвал, «стоя на костях», похоронить павших в бою православных. Таким образом, автор «Сказания» после победы возвращает Дмитрию Ивановичу обязанности предводителя, собравшего и возглавлявшего русское войско в битве с Мамаем.

Несколько иначе интерпретирует изображение Владимира Андреевича Серпуховского в «Сказании» Л. А. Дмитриев, он пишет: «Идеальным примером „братской“ верности младшего князя старшему, т. е. примером вассальной верности удельного князя великому князю Московскому, является в Сказании изображение преданности серпуховского князя Владимира Андреевича своему двоюродному брату Дмитрию Донскому. Автор настойчиво подчеркивает, что Владимир Андреевич — младший князь, подчиненный великому князю Московскому. В Сказании он — постоянный спутник Дмитрия Донского, человек *безынициативный, лишь выполняющий волю великого князя*. Даже в эпизоде с засадным полком он очень несамостоятелен. В сущности, весь этот эпизод прославляет не серпуховского князя, а воеводу князя Московского — Дмитрия Боброка Волынца. Формально старший в засадном полку — князь Серпуховской, но во всех своих действиях он подчинен Волынцу. Время, когда полк должен выехать из засады, определяет Волынец, он же направляет воинов в битву („а стяги их направлены крепким введою Дмитреем Волынцем“). Судя по ряду летописных записей, Владимир Андреевич был незаурядным храбрым полководцем. При чтении же Сказания создается впечатление, что автор преуменьшил роль Владимира Серпуховского в событиях 1380 г. Это объясняется публицистической направленностью произведения. Основное идейное значение этого образа в памятнике определяется заданием показать пример вассального служения (...) удельного князя великому князю Московскому. Поэтому *как самостоятельная личность князь Серпуховской для автора Сказания не представлял интереса*».⁷⁹ С этим мнением трудно согласиться, особенно если учесть, что сам эпизод с засадным полком был сочинен автором «Сказания» по примеру подобного эпизода в «Сербской Александрии»⁸⁰ и что «Сказание» основано на «Летописной повести», где роль Владимира Андреевича номинальна.

Литовские князья братья Ольгердовичи и воевода Дмитрий Боброк Волынец в «Сказании»

Рядом с Дмитрием Ивановичем в качестве героев Куликовской битвы в «Сказании» выступают, помимо Владимира Андреевича Серпуховского, братья жены Владимира Андреевича — литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, пришедшие на помощь московскому князю со своими воинами.

Повествуя об Ольгердовичах, автор «Сказания» в соответствии со своим замыслом подробно разрабатывает то, о чем чисто информационно сказано

⁷⁹ Дмитриев Л. А. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. С. 429—430. См. также: Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 140—155.

⁸⁰ Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54—64; Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб., 2020. Т. 67. С. 661—663.

в «Летописной повести». В «Летописной повести» при описании собравшегося огромного войска сказано кратко: «И от начала миру не бывала такова сила русских князей и воеводъ мѣстных, яко же при сем князи (...) Еще же к тому приспѣша (...) издалеча велиции князи Ольгердовичи поклонитися и послужити: князь Ондрѣй Полочкой и съ плесковици, брат его князь Дмитрий Брянский съ всеми своими мужи».⁸¹ В «Сказании» же этому факту придается чрезвычайно важное значение. Приезду братьев радуются «радостью великою» Дмитрий Иванович с Владимиром Андреевичем, «яко бо такова милость Божия (...) яко дѣти отца оставляють и поругаюся, яко иногда вѣлси Ироду, и приидоша на помощь нашу».⁸² Приводится диалог между великим князем и Ольгердовичами, которые говорят ему: «Господь Бог посла насъ к тебѣ на твою помощь».⁸³ Весть о приезде Ольгердовичей великий князь посылает в Москву митрополиту Киприану, по этому поводу повелено во всех соборных церквях и в обители «сугубо молитву творити день и ночь къ Вседръжителю Богу».⁸⁴ Сообщение о присоединении к русскому войску литовских князей послано и в обитель игумена Сергия, и к великой княгине Евдокии, начавшей «милостыни творити» и непрестанно ходить в святую церковь молиться день и ночь.

Почему приезду Ольгердовичей, по «Сказанию» как бы пришедшим из Литвы, от отца, придается столь важное значение? В «Сказании» не случайно действует вместо литовского князя Ягайло, выступившего сторонником Мамаея, его отец Ольгерд. По мнению Л. А. Дмитриева, замена имени Ягайло на имя его покойного отца Ольгерда, сильного и очень опасного врага Руси, подчеркивало силу и мощь московского князя, усиливало впечатление от победы Дмитрия Ивановича над объединившимися сильными противниками.⁸⁵ Но не менее важной причиной сознательной замены имени являлось, по всей видимости, следующее: имя Ольгерда вместо имени Ягайло использовано для того, чтобы подчеркнуть важность Куликовской битвы для защиты православия: братья Ольгердовичи, христиане, выступают против отца-язычника, поддержавшего «безбожного» Мамаея, они приходят на помощь великому князю Московскому и всему православному христианству, рассудив так: «Велика бо туга и попечение належить великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому и всему православному христианству от безбожнаго Мамаа (...) от поганых измаилтянь, нѣ еще и отецъ нашъ и Олегъ Резанский приложылися безбожным а гонять православную вѣру Христову».⁸⁶ При этом автор «Сказания» вкладывает в уста Андрея Ольгердовича слова, оправдывающие выступление против отца:

«Не сумняй же ся, брате, яко отцу противитися нам, яко же евангелисть Лука рече усты Господа нашего Исуса Христа: „Предани будете родители и братиеню и умрѣтвитеся, имени моего ради; претръпѣвъ же до конца — тѣй спасется! Излѣземъ, брате, от подавляющаго сего трънниа (имеется в виду

⁸¹ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 17.

⁸² Там же. С. 37.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Дмитриев Л. А. Куликовская битва 1380 г. в литературных памятниках Древней Руси // РЛ. 1980. № 3. С. 23.

⁸⁶ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 36.

язычество отца и литовского двора. — Л. С.⁸⁷) и присадимся истинному плодovitому Христову винограду, дѣлательному рукою Христовою“». ⁸⁸

Важная роль братьев Ольгердовичей подчеркнута в «Сказании» и в другом фрагменте — при обсуждении вопроса о целесообразности переправы через Дон. В «Летописной повести» решительным сторонником мнения о необходимости перейти Дон выступает великий князь. Он произносит, обращаясь ко всем князьям и «воеводам великим», пылкую речь и отдает приказание мостить мосты и искать места для переправы вброд через реку (здесь, по выражению Л. В. Черепнина, налицо определенная политическая тенденция, вообще характерная для «Летописной повести», — изобразить весь поход как предприятие княжеское ⁸⁹). По «Сказанию» же вопрос о переходе на другую сторону Дона был решен после того, как за это высказались литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, обосновывая это тем, что, перейдя Дон, воины лишат себя пути к отступлению, и им придется либо победить, либо умереть:

«Князь же великий нача думати з братом своим и с новонареченною братиею, с литовскими князи: „Здѣ ли паки пребудемъ или Донъ перевеземся?“ Рекоша же ему Олгордовичи: „Аще хочещи крѣпкаго вѣйска, то повели за Донъ возитися, да не будетъ ни единому же помышления въспяты; а о велицей силѣ не помышляй, яко не в силѣ Богъ, нѣ в правдѣ: Ярославъ, перевезеся рѣку, Святоплѣка побѣди, прадѣд твой князь великий Александръ, Неву-реку перешед, короля побѣди, а тебѣ, нарекиши Бога, подобаетъ то же творити. И аще побиемъ, тѣ вси спасемся, аще ли умрем, тѣ вси общую смерть приимемъ от князей и до простых людей. Тебѣ же нынѣ, государю великому князю, оставити смертнаа, буйными глаголы глаголати и тѣми словесы крѣпится вѣйско твое: мы убо видим, яко много множество избранных витязей в вѣйску твоем“». ⁹⁰

Как видим, участию братьев Ольгердовичей в походе против Мамаю придается большое значение: их присоединение к войску Дмитрия описывается как из ряда вон выходящее событие, именно они советуют колеблющемуся Дмитрию перейти Дон, а после возвращения русского войска в Москву сам Дмитрий Иванович с почетом провожает их восвосяи.

Отдает должное автор «Сказания» и опытному, искусному воеводе московского князя боярину Дмитрию Михайловичу Боброку Волынцу, шурина Дмитрия Ивановича (был женат на его сестре Анне), по совету которого («твердого воеводы») выстроены полки перед битвой и который, по сути дела, командует засадным полком, решившим исход сражения. ⁹¹ Он

⁸⁷ О братьях Ольгердовичах, принявших христианство, говорится, что они «бѣста бо, аки нѣкѣи класы доброплодныа, терниемъ подавляеми: жывуци между нечестѣа, не бѣ имѣ коли плода достойна расплодѣти» (Там же).

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. С. 613.

⁹⁰ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 37—38.

⁹¹ Д. М. Боброк Волынец действительно был опытным воеводой, проявил себя как талантливый полководец, с его именем связаны многие выдающиеся победы. В частности, как указал А. Н. Робинсон, под его командованием московские войска совершили успешный поход на Великие Болгары, стараясь овладеть важным для торговли волжским путем и ослабить там влияние татар (Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве. С. 11).

же, Дмитрий Боброк Волынец, «испытывает приметы» на поле Куликовом в ночь перед сражением и наставляет великого князя Московского Дмитрия Ивановича в том, как ему вести себя с воинами: никому не рассказывать о приметах, предсказывающих победу русскому войску, но только приказать каждому воину Богу молиться и святых его угодников призывать на помощь, а рано утром в день битвы сесть на своих коней, вооружиться крепко и крестом осенить себя, поскольку это ведь и есть оружие на противников. После битвы великий князь Московский, объезжая поле битвы и видя много убитых, обратясь к Волынцу, сказал: «Въистину, Дмитрей, не ложна есть примѣта твоя, подобает ти всегда въеводою быти».⁹²

Церковные вдохновители на битву с ордынцами в «Сказании»

В «Летописной повести о Куликовской битве» говорится лишь о благословении Дмитрия Ивановича на битву по его просьбе коломенским епископом Герасимом, в «Сказании» же подчеркивается роль в сражении и других церковнослужителей. Наряду с коломенским епископом Герасимом, местоблюстителем Московского митрополичьего престола, встретившим великого князя в городских воротах Коломны с крестами и иконами, с молитвой «Спаси, Боже, люди своя», в «Сказании» действует в качестве идейного вдохновителя на битву с Мамаем митрополит Киприан, который на самом деле не мог беседовать с Дмитрием Ивановичем и давать ему советы, поскольку в то время его не было в Москве. Но главным идейным вдохновителем Дмитрия Ивановича выступает Сергей Радонежский, который не только благословляет князя на битву с Мамаем в Троицком монастыре, где по просьбе Дмитрия дает ему двух иноков в духовную помощь, но и посылает вслед благословляющую грамоту и церковные дары, врученные Дмитрию, по «Сказанию», перед самым сражением. Более того, Сергей предсказывает князю победу над Мамаем. Небесными помощниками русскому войску по молитвам Дмитрия Донского выступают святые Борис и Глеб, явившиеся в видении разбойнику Фоме в виде двух юношей в светлых одеждах, с сияющими, словно солнце, лицами, держащими в руках острые мечи и секущими ими вражеских «полковников».⁹³ Таким образом, в битве русских князей с Мамаем принимают деятельное участие не только здравствующие служители церкви, но и небесные покровители, первые русские святые Борис и Глеб.

Как отметил Л. В. Черепнин, воинская повесть, чуждая узко религиозной направленности, согласно которой победу одержало русское воинство во главе с его предводителем Дмитрием Донским, в дальнейшем перерабатывается книжниками, принадлежащими к церковным кругам: «Они выдвигают на первое место (...) деятелей русской церкви, и прежде всего ее высшего представителя — митрополита Киприана», и это «не исторический факт, а плод тенденциозно-политической направленности данного текста».

⁹² Сказания и повести о Куликовской битве. С. 46.

⁹³ Там же. С. 41. Сообщив о бегстве «поганых» с поля боя, автор «Сказания» пишет: «Сынове же русские, силою Святого Духа и помощью святых мученикъ Бориса и Глеба, гоняще, съчаху их, аки лѣс клоняху...». «Сия же суть милостию всемогущаго Бога и пречистыа Матери Божия и молениемъ и помощью святыхъ страсотръпець Бориса и Глѣба, ихъ же видѣ Фома Кацибѣвъ разбойникъ, егда на сторожы стоя...» (Там же. С. 45).

Внесение эпизода с посещением великим князем Сергия Радонежского вызвано, по мысли ученого, желанием приподнять роль Троицкого монастыря как церковного центра.⁹⁴

Итак, задачей автора «Сказания было продемонстрировать значительную роль Церкви в достигнутой победе; с этой целью были созданы эпизоды бесед Дмитрия Ивановича с митрополитом Киприаном, поездка за благословением к Сергию Радонежскому в Троицкий монастырь, повествование о подвиге (поединке) монаха Троицкого монастыря Александра Пересвета.

Литературный вымысел в «Сказании»

До сих пор «Сказание о Мамаевом побоище» рассматривается как наиболее подробное историческое повествование о Куликовской битве, заслуживающее доверия. Между тем для создания нужного представления о героях сражения на Дону автор «Сказания» широко пользуется вымыслом.⁹⁵ Многие эпизоды памятника вызывают у исследователей сомнение в их достоверности. Это и сцены, связанные с митрополитом Киприаном, якобы выступавшим советником и наставником Дмитрия Донского, и рассказ о посещении князем Дмитрием Ивановичем Троицкого монастыря, и сообщение о посланцах Сергия с благословением (которое в «Сказании» читается не перед переправой через Дон, как в «Летописной повести», а перед самым началом сражения), и эпический эпизод поединка Пересвета с печенегом / татаринном,⁹⁶ и эпизод с переодеванием князя Дмитрия Ивановича, и испытание примет Дмитрием Волынцем накануне сражения. Наконец, вызывает сомнение у исследователей и история с засадным полком под руководством Владимира Андреевича и Дмитрия Боброка Волынца, призванная возвысить их роль в сражении на Дону. В «Сказании» вслед за «Летописной повестью»

⁹⁴ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках. С. 606.

⁹⁵ О. В. Творогов по поводу вымысла в древнерусской литературе заметил: «Говоря о системе жанров древнерусской литературы, необходимо отметить еще одно важнейшее обстоятельство: эта литература долгое время, вплоть до XVII в., не допускала литературного вымысла. Древнерусские авторы писали и читали только о том, что было в действительности (...) Рассказывая об исторических событиях, древнерусские авторы могли сообщить разные, порой взаимоисключающие версии (...) однако мысль, что та или иная версия могла быть просто придумана, сочинена, и тем более сочинена с чисто литературными целями, — такая мысль писателям старшей поры, видимо, казалась неправдоподобной» (Творогов О. В. Литература Древней Руси: Пособие для учителя. М., 1981. С. 10). В таком случае «Сказание о Мамаевом побоище» является исключением: его автор именно сочинял эпизоды с литературно-публицистическими целями.

⁹⁶ О вымышленном характере поединка Пересвета см.: Соколова Л. В. Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву. С. 81—83. Вероятно, чувствуя вымышленный характер эпизода поединка Пересвета с богатырем из войска Мамаея, позднейшие редакторы «Сказания» расцветивали его эпическими подробностями. Если в Основной редакции противник Пересвета сравнивался с библейским Голиафом, то позднее образ противника Пересвета получил черты Идолища поганого: «Таврул татарин приметами уподобился древнему Гольярду: высота того татарина трех сажен, а промеж очей локоть мерный» (список конца XVII в. БАН. 21.10.17); «Трею сажень высота его, а дву сажень ширина его, между плеч у него сажень мужа добраго, а глаза его, аки пивной котел, а между ушей у него стрела мерная, а между очу у него, аки питии чары, а конь под ним, аки гора велия» (список XVII в. ГИМ, собр. Уварова, № 802). Имя Таврул было заимствовано, вероятно, из «Повести о разорении Рязани Батыем», где в одной из редакций (Б-2) имя Хостоврул преобразовано в имя Таврул. (За указание на это благодарю И. А. Лобакову).

ранее сказано, что при уряжении полков в Коломне Владимир был поставлен во главе полка правой руки, как и полагалось ему по статусу. При этом по поводу того, носит ли рассказ о засадном полке правдоподобный характер, действительно ли войско в то время состояло из пяти полков, одним из которых был запасной, засадный, вступавший в битву со свежими силами в определенное время после начала битвы, — мнения ученых разделились.⁹⁷

А. А. Шахматов полагал, что «Слово о Мамаевом побоище» (памятник, по его представлению, лежавший в основе «Сказания» и «Задонщины») было составлено при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича с целью «прославить этого сподвижника Дмитриева, с одной стороны, князей Ольгердовичей, с другой». Такое «совмещение интересов к личности Владимира Андреевича и к личностям Ольгердовичей», по словам Шахматова, вполне естественно: Владимир Андреевич был связан с сыновьями Ольгерда не только родством, но, по предположению Шахматова, и дружбой. «В среде служилого сословия, окружавшего князя Владимира Андреевича и обоих литовских князей, принятых под руку московского в. князя, в среде, группировавшейся вокруг личности Дмитрия Михайловича Боброка, и возникла мысль прославить книжными словесами и названных князей, и славного воеводу Дмитрия Вольнца».⁹⁸ По мнению же Р. Г. Скрынникова, «Сказание» было составлено, скорее всего, в стенах Троицкого монастыря в среде учеников и постриженников Сергия: «Если такое предположение справедливо, то тогда становится понятным, почему „Сказание“ восхваляло разом и Сергия, и удельного князя Владимира Андреевича. Троицкий монастырь располагался в Радонеже на земле, принадлежавшей семье Владимира Андреевича, и эта семья сделала очень много для обогащения удельного монастыря».⁹⁹ Рассказ о монахах этого монастыря Пересвете и Ослябе, принявших участие

⁹⁷ Д. А. Моисеев сомневается в правдивости известий о построении полков на Куликовом поле, в том числе существовании «засадного полка». См.: *Моисеев Д. А.* К вопросу о построении русских полков на Куликовом поле // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2007. Вып. 1. С. 3—8. URL: <http://www.russiancity.ru/hbooks/h064.htm>. В. А. Кучкин, однако, указывает, что «пятичленное деление и построение полков (то есть, вероятно, на сторожевой полк, великий (или большой) полк, полки правой и левой руки и запасной, аррьергардный полк) в XIV в. было русским известно (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 119)» (*Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 15). По его мнению, рассказ «Сказания» о засадном полке заслуживает доверия (Там же. С. 15—16). Военный историк генерал-майор Е. А. Разин по поводу военной организации Великого княжества Московского в XIV в. пишет: «Деление рати на пять полков по тактическому функциональному признаку было характерной особенностью русского войска. В Западной Европе войско обычно делилось на три части — авангард, главные силы и аррьергард, что снижало его маневренные возможности» (*Разин Е. А.* Войны Древней Руси: От походов Святослава до сражения Александра Невского. М., 2018. С. 176—177). Ю. В. Селезнев полагает, что «включение в состав памятника («Сказания»). — Л. С.) описания атаки засадного полка несло в первую очередь сакральный смысл и отвечало сюжетному замыслу автора „Сказания“», поэтому он допускает, вслед за В. А. Кучкиным, правдивость рассказа о засадном полке (*Селезнев Ю. В.* К вопросу о тактической расстановке войск на Куликовом поле // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2009. С. 156). Однако «сюжетный замысел» вовсе не доказывает, что автор описывает действительно происходившее на поле битвы событие.

⁹⁸ *Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906 (Отд. оттиск из «Сборника Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук») // Отчет о двенадцатом присуждении Имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб., 1910. С. 180—181.

⁹⁹ *Скрынников Р. Г.* Куликовская битва: Проблемы изучения. С. 58, 59.

в битве по благословию Сергия Радонежского, и благословение последним Дмитрием на битву также говорит о создании «Сказания» в Троицком монастыре. Есть основания считать, что автором «Сказания» был Пахомий Серб, пребывавший с 1442 по 1458 г. в Троицком монастыре.¹⁰⁰

Возвращаясь к спорному вопросу об изображении в «Сказании» Дмитрия Донского, зададимся вопросом: стояла ли перед автором «Сказания о Мамаевом побоище» задача принизить образ великого князя Московского, как полагали некоторые исследователи, или иное изображение его роли в бою по сравнению с «Летописной повестью» можно объяснить иначе? Можно предположить, что, желая возвысить роль Владимира Андреевича в сражении, автор «Сказания» отвел братьям разные роли в Куликовской битве, используя мотив двойничества.

Мотив двойничества в «Сказании о Мамаевом побоище»

В «Сказании», как показано, изображены несколько героев Куликовской битвы, причем можно говорить о парности образов, мотиве двойничества: двоюродные братья Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич, литовские князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, монахи Троицкого монастыря Пересвет и Ослябя, первые русские святые Борис и Глеб.

Мотиву двойничества в литературе посвящено большое количество работ, в последние годы по этой теме написан и целый ряд кандидатских диссертаций на материале русской и зарубежной литератур XIX—XX вв., в том числе на материале произведений Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Понятие двойничества, являющееся общекультурным феноменом, в рамках литературоведения трактуется неоднозначно. Различные определения понятия «двойничество» привела Е. Н. Синева в диссертации «Проблема двойничества в русской литературе XX века».¹⁰¹ Мы имеем в виду под термином «двойничество» создание в литературе образов двойников (двойничество на уровне системы образов персонажей).

Опираясь на работы О. М. Фрейденберг, М. М. Бахтина, Е. М. Мелетинского, Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, различные типы двойников в мировой литературе рассмотрели в недавней монографии С. З. Агранович и И. В. Саморукова.¹⁰² Авторы выделяют три основных варианта: «двойники-антагонисты», «карнавальные пары», «близнецы» (в том числе рассматривается особый, «русский тип» близнецов).¹⁰³ Важнейшим условием любого типа двойничества является наличие у его агентов общих корней, каковыми могут быть кровное родство, общее детство, сходный социальный статус, возраст.

¹⁰⁰ См. об этом: *Соколова Л. В.* К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище». С. 643—682.

¹⁰¹ *Синева Е. Н.* Проблема двойничества в русской литературе XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2004. 26 с.

¹⁰² *Агранович С. З., Саморукова И. В.* Двойничество. Самара, 2001. URL: <https://fil.wikireading.ru/hf6iVHwnzZ>

¹⁰³ Существуют и другие типологии двойников. Так, В. В. Лепяхин выделяет три типа двойничества: возникающее по типу у-двоения, с-двоения и раз-двоения. См.: *Лепяхин В. В.* Двойники в древнерусской словесности и типы двойничества. С. 3. URL: https://drive.google.com/file/d/1i9yUOFF_s9D-R3DahAO1i9QsTkQx_osT/edit.

Эпические двойники рассмотрены в книге С. З. Агранович и И. В. Саморуковой в рамках «двойников-антагонистов»,¹⁰⁴ что вряд ли оправданно, поскольку отнюдь не антагонизм характеризует эпических двойников. По словам исследователя гомеровского эпоса И. В. Шталь (автора соответствующего раздела статьи), «суть эпического двойничества сводится к количественно равному взаимодополнению характеров „качествами“, „свойствами“ противоположными, соответственно в каждом из характеров отсутствующими и имеющими смысл лишь во взаимозамещении и взаимовозмещении до некой целостности».¹⁰⁵ И. В. Шталь пишет об «определенного рода эпической гармонии как гармонии взаимозамещающего равенства качеств». «Нет „обделенного“ героя, как нет и героя „абсолютного“: герой, уступающий другому в каком-то одном качестве, свойстве, берет над ним верх в качестве, в свойстве ином».¹⁰⁶ Эпические двойники фигурируют в литературе Средневековья, а именно в героическом эпосе («Песнь о Роланде») и средневековом рыцарском романе, например в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбаха. И. В. Саморукова отмечает, что эпическое двойничество «характеризуется своеобразной асимметрией: один из двойников — эпический герой — выступает в паре как ведущий, главный. Другой двойник имеет вторичную функцию, как бы оттеняя героическую избыточность эпического героя. Отношения героев внутри эпического двойничества — своеобразный патронаж, в средневековом эпосе, например, двойники иногда связаны вассально-сюзеренными отношениями».¹⁰⁷ Эпический двойник, по словам И. В. Саморуковой, — смягченная копия главного героя. Оливье — такой же доблестный рыцарь, как Роланд, но он благоразумен и предпочел бы не гибнуть зря, когда достаточно протрубить в рог, чтобы пришла подмога. По мнению Т. Д. Комовой, «двойники могут представлять собой пару равнозначных героев, сущностное сходство которых обусловлено их сюжетной и идейной функцией, а также пару „оригинал — копия“, где за „оригиналом“ закреплено центральное положение в системе персонажей, в то время как „копия“ олицетворяет ту или иную сторону его сущности».¹⁰⁸

Б. А. Успенский и Ю. М. Лотман считают «специфической чертой русской культуры» Средневековья «принципиальную полярность, выражающуюся в дуальной природе ее структуры». По их мнению, «основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского Средневековья располагаются в двуполосном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны».¹⁰⁹

При этом двойничество в древнерусской литературе изучено недостаточно. Принято считать, что тема двойничества и двойников начинается

¹⁰⁴ Первая глава — «Двойники-антагонисты» — написана И. В. Саморуковой.

¹⁰⁵ Шталь И. В., Попова Т. В. О некоторых приемах построения художественного образа в поэмах Гомера и византийском эпосе XII в. // Античность и Византия. М., 1975. С. 62.

¹⁰⁶ Там же. С. 59.

¹⁰⁷ Агранович С. З., Саморукова И. В. Двойничество. С. 22.

¹⁰⁸ Комова Т. Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 9.

¹⁰⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1997. Вып. 414: Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 18: Литературоведение. С. 4.

в русской литературе с XVII века.¹¹⁰ Исключением стало упоминание о парности героев в «Задонщине» (и в «Сказании») в работе Н. С. Демковой, посвященной «Слову о полку Игореве».¹¹¹

Образы Дмитрия Ивановича и Владимира Серпуховского в «Сказании о Мамаевом побоище» ближе всего, на наш взгляд, к эпическому двойничеству по типу взаимодополнения. Они действуют часто совместно, но Владимир Андреевич при этом занимает явно подчиненное положение, герои связаны вассально-сюзеренными отношениями. Активно серпуховской князь проявляет себя лишь в бою. Дмитрий Иванович выступает как организатор похода и молитвенник. В его лице автор «Сказания» создавал идеализированный тип, персонифицирующий идею христианина, который победил врагов Руси потому, что верил во Христа. Промыслом Божиим спасен и сам Дмитрий Иванович, тяжело раненный в бою. Что касается воинской доблести великого князя, то она в «Сказании» не демонстрируется (лишь со слов одного из воинов читатель узнает, что он храбро бился с четырьмя «татаринами»). Эту функцию выполняет его двоюродный брат Владимир Серпуховской. Здесь мы видим тот же тип «эпического двойничества», что и в «Слове о полку Игореве» (Игорь — инициатор и организатор похода, Всеволод Буй Тур — олицетворение героической, богатырской стороны братьев-двойников). По всей вероятности, сознательный отказ от изображения геройства Дмитрия Донского объясняется стремлением автора «Сказания» подчеркнуть его духовную функцию, его роль молитвенника и праведника, твердого в вере, по своей вере получившего просимое. Используя наблюдение А. Н. Робинсона

¹¹⁰ По мнению Д. С. Лихачева, тема двойничества и двойников начинается в русской литературе с сатирической повести XVII в. о Фоме и Ереме, в которой тема двойничества (точнее, «близнецный мотив») в ее смеховом варианте связана с темой судьбы, роковой предопределенности жизни, преследования человека роком. Эта же тема звучит и в «Повести о Горе Злочастии», где Горе — роковой двойник молодца. В этом *трагическом* аспекте, отмечает ученый, тема двойничества выступит впоследствии у Гоголя («Нос»), Достоевского («Двойник» и др.), Андрея Белого («Петербург») и т. д. (Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 41—42). Бесовская тема в «Повести о Савве Грудцыне» — это также, по мысли А. М. Панченко, трагическая тема двойничества. Бес — это «брат» героя, его «второе я». В православных представлениях каждому живущему на земле человеку сопутствует ангел-хранитель — также своего рода двойник, но двойник идеальный, небесный. Автор «Повести о Савве Грудцыне» дал негативное, «тенивое» решение этой темы. Бес — тень героя, бес олицетворяет пороки Саввы, то темное, что в нем есть, — легкомыслие, слабую волю, тщеславие, любострастие. Силы зла бессильны в борьбе с праведником, но грешник становится их легкой добычей, потому что выбирает путь зла (История русской литературы X—XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1979. Глава 8: Литература второй половины XVII в. (автор А. М. Панченко). В XIX в. мотив двойничества как расщепления сознания героя найдет свое воплощение в разных произведениях русской литературы.

¹¹¹ О парности героев в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» Н. С. Демкова упоминала, отмечая функцию Всеволода в «Слове о полку Игореве»: «Автор нигде в „Слове“ не изображает геройства, удали Игоря в бою, только называет его „храбрым“ — достаточно изображения Всеволода. В этой „двоичности“ героической темы (...) „Слово“ родственно многим произведениям средневековой литературы (по-видимому, можно говорить об отражении здесь эпической системы героев-двойников): на память приходят Роланд и Оливье в „Песне о Роланде“, Юрий Ингваревич и Ингварь Ингваревич, замещающий его, в „Повести о разорении Рязани“, Дмитрий Донской и Владимир Серпуховский, Пересвет и Ослябя в „Задонщине“ (и в „Сказании о Мамаевом побоище“») (Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники. Сб. ст. СПб., 1997. С. 55).

о двух типах изображения героизма в повестях о Куликовской битве (по его мнению, объединенных в фигуре Пересвета),¹¹² можно отметить, что традиционно эпический («тленный») тип героизма связан в «Сказании» с образом Владимира Андреевича, а традиционно христианский («нетленный») тип героизма — с фигурой Дмитрия Ивановича.

Иной тип двойничества являют собой в «Сказании» братья Ольгердовичи: они ближе к «близнецам» (ср. мифологические образы Кастора и Полидевка, которые на протяжении жизни совершили совместно ряд подвигов; в Древнем Риме их в первую очередь считали олицетворением воинской доблести). Еще одну пару двойников представляют в «Сказании» монахи Троицкого монастыря Пересвет и Ослябя, один из которых предстает в образе искупительной жертвы, христианина-мученика (Пересвета трудно отнести к образу «богатыря»), а другой выступает как исполнитель его предсмертного завещания, посредник между погибающим героем и его миром.¹¹³

Следует упомянуть и еще одну пару двойников в «Сказании»: это Борис и Глеб, первые русские святые, помогающие русским воинам на поле битвы. В образе Бориса и Глеба культивируется идея защитников и покровителей княжеского рода, «тем самым всей земли, которая управляется этим родом», они как «первые русские святые знаменуют начало новой истории: освящают эту страну, являются ее заступниками и в известном смысле оправдывают ее существование».¹¹⁴ В. Н. Топоров отмечает в текстах о «двоице» Борисе и Глебе и в их иконописных изображениях идею «благодатной парности», а не простой двоичности, и характеризует их как «двойчатку», близнецов, сопоставляя конные изображения святых с дохристианскими образами конных божественных близнецов круга ведийских Ашвинов или древнегреческих Диоскуров, с одной стороны, и с конными парами мучеников типа Флора и Лавра или Сергия и Вакха — с другой.¹¹⁵

Итак, тема «эпического двойничества», присутствующая уже в «Слове о полку Игореве», продолжает разрабатываться в «Повести о разорении Рязани» и в «Сказании о Мамаевом побоище», а затем в зависимой от него «Задонщине», т. е. проходит сквозным мотивом в литературных произведениях XII—XV вв. В XVII в. в русской литературе появляются новые типы двойничества.

По словам Д. С. Лихачева, «в тесном контакте с тем, как изображается человек, находятся и все художественные средства, применяемые

¹¹² Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве. С. 34.

¹¹³ Парность образов Пересвета и Осляби ближе всего к тому типу двойничества, который Н. Т. Рымарь характеризует как «разнообразные случаи дополнения образа героя второстепенным персонажем, лишенным самостоятельной жизни в сюжете, — его роль чисто функциональная». Главного персонажа сопровождает его товарищ, друг, самостоятельной роли в сюжете не играющий, а лишь пространственно как бы поддерживающий основной образ. Этот персонаж — обычно благородный и преданный герою человек, через него как бы устанавливаются отношения контакта героя с читателем и человеческим коллективом в целом (Рымарь Н. Т. Поэтика романа. Куйбышев, 1990. С. 86—87).

¹¹⁴ Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 24, 42, 47.

¹¹⁵ См.: Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1: Первый век христианства на Руси. С. 495—501. О Борисе и Глебе как архетипических дуальных образах в «Повести временных лет» см.: Жиляков С. В. О некоторых архетипических дуальных образах в «Повести временных лет» // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 164—168.

писателем».¹¹⁶ Исследователи отмечали, что феномен двойничества определяет всю поэтику художественного произведения (и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания).¹¹⁷ Это справедливо и по отношению к «Сказанию о Мамаевом побоище». Введя мотив двойничества, автор «Сказания» вынужден был создавать вымышленные эпизоды, демонстрирующие героическое поведение Владимира Андреевича, важную роль в Куликовской битве братьев Ольгердовичей и, напротив, выдумывать эпизоды, снижающие героический образ возглавлявшего войско великого князя Московского Дмитрия Ивановича. Задавшись целью оставить Дмитрию Ивановичу роль князя, возглавляющего поход против Мамаю, но при этом изобразить реальным героем, победителем Владимира Андреевича, автор «Сказания» вынужден был удваивать некоторые эпизоды: вопреки традиции, под княжеским знаменем встал «на костях» на поле боя после его окончания Владимир Андреевич, он созывает воинов «сбранною» трубою и произносит перед ними речь, но далее говорится о том, что Дмитрий Иванович «стояль... на костѣх осмь дний, дондеже розобраша христианъ с нечестивыми», он тоже повелевает трубить в собранные трубы и тоже обращается к воинам, уже с речью предводителя войска. И это сознательное удвоение, подчеркивающее роль в битве Владимира Андреевича, поскольку автор «Сказания» мог изменить последовательность событий: вначале изобразить поиски Владимиром Андреевичем раненого Дмитрия Ивановича, а затем описать сцену «стояния на костях» великого князя со всеми оставшимися в живых воинами.

Итак, в «Сказании о Мамаевом побоище» содержится своего рода полемика с «Летописной повестью о Куликовской битве» относительно того, кто из участников битвы какую роль сыграл в победе на Куликовом поле. Если автор «Летописной повести» в соответствии с традицией главенствующую роль отводит возглавлявшему поход великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу, то автор «Сказания», используя вымышленные сюжеты, создавая занимательные картины боя, вводит в действие других персонажей.

Увлечательность «Сказания», его беллетристичность обеспечили ему популярность, оно многократно переписывалось, по нему судили о происходившем на поле Куликовом, принимая описанное в нем за действительно происходившие события. Лишь постепенно и с сопротивлением приходит осознание «романного» типа повествования в «Сказании о Мамаевом побоище».

Список литературы

Агранович С. З., Саморукова И. В. Двойничество. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 130 с.

Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М.: Квадрига, 2011. 382 с. (Исторические исследования).

¹¹⁶ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 3.

¹¹⁷ Так, по мнению В. В. Лепяхина, «о теме двойничества можно говорить лишь тогда, когда на ее основе формируется вся художественная структура произведения (или той его части, которая построена на двойничестве), его идея, сюжет и даже жанровые особенности» (Лепяхин В. В. Двойники в древнерусской словесности и типы двойничества. С. 8).

Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л.: Наука, 1966. С. 477—523.

Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия: (Проблема реконструкции текста) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. Т. 52. С. 98—137.

Горский А. А. Москва и Орда. М.: Наука, 2005. 214 с.

Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. ст. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 33—76.

Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л.: Наука, 1966. С. 385—439.

Дмитриев Л. А. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 406—448.

Дмитриев Л. А. Куликовская битва 1380 г. в литературных памятниках Древней Руси // РЛ. 1980. № 3. С. 3—29.

Дмитриев Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. С. 306—359.

Дмитриев Л. А. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище» // Повести о Куликовской битве. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 449—480.

Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 140—155.

Дмитриев Л. А. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников. Л.: Наука, 1989. Вып. 2: (вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2 (Л—Я). С. 371—384.

Дмитриев Л. А., Лихачева О. П. Историко-литературный комментарий // Сказания и повести о Куликовской битве. Л.: Наука, 1982. С. 388—391.

Жиляков С. В. О некоторых архетипических дуальных образах в «Повести временных лет» // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 164—168.

Иванов Д. И. Речи главных героев в «Сказании о Мамаевом побоище» // Русская речь. 2008. № 4. С. 73—76.

История русской литературы X—XVII вв.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Под ред. Д. С. Лихачева. М.: Просвещение, 1979. 462 с.

Клосс Б. М. Об авторе и времени создания «Сказания о Мамаевом побоище» // In memoiam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб.: ATHENEUM-ФЕНИКС, 1997. С. 253—262.

Копова Т. Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 23 с.

Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. ст. М.: Наука, 1990. С. 103—125.

Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3—21.

Лепяхин В. В. Двойники в древнерусской словесности и типы двойничества. 13 с. URL: https://drive.google.com/file/d/1i9yUOFF_s9D-R3DahAO1i9QsTkQx_osT/edit. (переработанный вариант статьи: *Лепяхин В. В.* Тема двойничества в древнерусской литературе и фольклоре // *Dissertationes Slavicae. Supplementum.* Szeged, 1981. С. 59—73).

Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 7—71.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 3. 520 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского университета. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1997. Вып. 414: Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 18: Литературоведение. С. 3—36.

Мингалев В. С. «Летописная повесть» — источник «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Московского государственного историко-архивного института. М.: [б. и.], 1966. Т. 24, вып. 2. С. 55—72.

Моисеев Д. А. К вопросу о построении русских полков на Куликовом поле // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2: История. 2007. Вып. 1. С. 3—8. URL: <http://www.russianscity.ru/hbooks/h064.htm> (Дата обращения 23.03.2023).

Орлов А. С. Литературные источники повести о Мамаевом побоище // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 2. С. 157—163.

Петров А. Е. «Александрия Сербская» и «Сказание о Мамаевом побоище» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 54—64.

Петров А. Е. Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 22—30.

Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 511 с.

Повесть временных лет // ПЛДР. М.: Худож. лит., 1978. Вып. 1: (XI — начало XII века). С. 22—277.

Повесть о разорении Рязани Батыем // ПЛДР. М.: Худож. лит., 1981. Вып. 3: (XIII век). С. 184—199.

Присёлков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. / Подгот. к печати В. Г. Вовиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с. (Studiorum slavica monumenta; Т. 11).

Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л.: Наука, 1987. 292, [1] с.

ПСРЛ. 3-е изд., [репр.]. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (1362—1424 гг.). 264 с.

Разин Е. А. Войны Древней Руси: От походов Святослава до сражения Александра Невского. М.: Алгоритм, 2018. 240 с.

Робинсон А. Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М.: Наука, 1980. С. 10—38.

Рудаков В. Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII — XV в. М.: Квадрига, 2014. 270 с.

Руднева И. С. Образ русского воина в древнерусской литературе // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1. С. 196—202.

Рымарь Н. Т. Поэтика романа. Куйбышев: Изд-во Сарат. ун-та, Куйбышевский филиал, 1990. 254 с.

Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. Т. 29. С. 98—124.

Салмина М. А. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М; Л.: Наука, 1966. С. 364—370.

Селезнёв Ю. В. К вопросу о тактической расстановке войск на Куликовом поле // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М.: Квадрига, 2009. С. 153—159.

Селезнёв Ю. В. Полемиические заметки об образе татар в русской средневековой книжности // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 1 (9). Январь—Июнь. С. 215—232.

Сергиенко К. Куликовская битва. URL: <https://stihi.ru/2012/03/23/1151>.

Синева Е. Н. Проблема двойничества в русской литературе XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2004. 26 с. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/problema-dvojnichestva-v-russkoj-literature-xx-veka.html> (дата обращения: 23.06.2003).

Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л.: Наука, 1982. 434 с. (Лит. памятники).

Скрынников Р. Г. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 43—70.

Соколова Л. В. История возникновения и особенности памятников Куликовского цикла // РЛ. 2020. № 3. С. 153—164.

Соколова Л. В. К вопросу о датировке и авторстве «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2020. Т. 67. С. 643—682.

Соколова Л. В. Как складывалось литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву // IX Чтения по истории и культуре Древней и Новой России: [К 700-летию преподобного Сергия Радонежского]: Материалы науч. конф. (Ярославль, 25—27 сент. 2014 г.). Ярославль: ИД «Канцлер», 2016. С. 62—89.

Соколова Л. В. Летописные повествования о Куликовской битве: (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2014. Т. 63. С. 305—353.

Соколова Л. В. Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи) // Академик А. А. Шахматов: Жизнь, творчество, научное наследие: Сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 294—308.

Соколова Л. В. Прозаическое «Сказание о Мамаевом побоище» и поэтическая «Задонщина»: история взаимовлияния // Прекраснейшей: Сб. памяти Елены Душечкиной. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 16—24.

Соколова Л. В. Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? (К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести») // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2019. Т. 66. С. 76—109.

Творогов О. В. Литература Древней Руси: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1981. 128 с.

Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 335—376.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Гнозис; Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1: Первый век христианства на Руси. 873 с.

Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.

Филлошкин А. И. «Куликовский цикл»: Опыт герменевтического исследования // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула: Тульский полиграфист, 2000. С. 172—186.

Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

Шамбинаго С. К. Повести о Мамаевом побоище. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1906. VIII, 376, 190 с. (СОРЯС; Т. 81, № 7).

Шахматов А. А. Отзыв о сочинении *С. Шамбинаго*: «Повести о Мамаевом побоище», СПб., 1906 (Отд. оттиск из «Сборника Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук») // Отчет о двенадцатом присуждении Имп. Академией наук премий митрополита Макария в 1907 г. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. С. 180—192.

Шталь И. В., Попова Т. В. О некоторых приемах построения художественного образа в поэмах Гомера и византийском эпосе XII в. // Античность и Византия: [Сб. ст.]. М.: Наука, 1975. С. 53—89.

References

Agranovich S. Z., Samorukova I. V. Dvoinichestvo. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2001. 132 s.

Amel'kin A. O., Seleznev Yu. V. Kulikovskaia bitva v svidetel'stvakh sovremennikov i pamiati potomkov. M.: Kvadriga, 2011. 382 s.

Begunov Yu. K. Ob istoricheskoi osnove «Skazaniia o Mamaevom poboishche» // «Slovo o polku Igoreve» i pamiatniki Kulikovskogo tsikla. M.; L.: Nauka, 1966. S. 477—523.

Bobrov A. G. Letopisnyi svod mitropolita Fotiia: (Problema rekonstruktsii teksta) // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2001. Т. 52. S. 98—137.

Cherepnin L. V. Obrazovanie russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIX—XV vekakh. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi. M.: Sotsekgiz, 1960. 899 s.

Demkova N. S. Problemy izucheniia «Slova o polku Igoreve» // Demkova N. S. Srednevekovaiia russkaia literatura. Poetika, interpretatsii, istochniki. Sbornik statei. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1997. S. 33—76.

Dmitriev L. A. K literaturnoi istorii Skazaniia o Mamaevom poboishche // Povesti o Kulikovskoi bitve. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. S. 406—448.

Dmitriev L. A. Kulikovskaia bitva 1380 goda v literaturnykh pamiatnikakh Drevnei Rusi // Russkaia literatura. 1980. № 3. S. 3—29.

Dmitriev L. A. Literaturnaia istoriia pamiatnikov Kulikovskogo tsikla // Skazaniia i povesti o Kulikovskoi bitve. L.: Nauka, 1982. S. 306—359.

Dmitriev L. A. Obzor redaktsii Skazaniia o Mamaevom poboishche // Povesti o Kulikovskoi bitve. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. S. 449—480.

Dmitriev L. A. Publitsisticheskie idei «Skazaniia o Mamaevom poboishche» // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. 11. S. 140—155.

Dmitriev L. A. Skazanie o Mamaevom poboishche // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L.: Nauka, 1989. Vyp. 2, ch. 2. S. 371—384.

Dmitriev L. A. Vstavki iz «Zadonshchiny» v «Skazanie o Mamaevom poboishche» kak pokazatel' po istorii teksta etikh proizvedenii // «Slovo o polku Igoreve» i pamiatniki Kulikovskogo tsikla. M.; L.: Nauka, 1966. S. 385—439.

Dmitriev L. A., Likhacheva O. P. Istoriko-literaturnyi kommentarii // Skazaniia i povesti o Kulikovskoi bitve. L.: Nauka, 1982. S. 388—391.

Filiushkin A. I. «Kulikovskii tsikl»: Opyt germenevticheskogo issledovaniia // Kulikovo pole: Voprosy istoriko-kul'turnogo naslediia. Tula: Tul'skii poligrafist, 2000. S. 172—186.

Gorskii A. A. Moskva i Orda. M.: Nauka, 2005. 214 s.

Istoriia russkoi literatury X—XVII vekov: Uchebnoe posobie dlia studentov pedagogicheskikh institutov / Pod red. D. S. Likhacheva. M.: Prosveshchenie, 1979. 462 s.

Ivanov D. I. Rechi glavnykh geroev v «Skazanii o Mamaevom poboishche» // Russkaia rech'. 2008. № 4. S. 73—76.

Kloss B. M. Ob avtore i vremeni sozdaniia «Skazaniia o Mamaevom poboishche» // In memoriam: Sbornik pamiati Ia. S. Lur'e. SPb.: ATHENEUM-FENIKS, 1997. S. 253—262.

Komova T. D. Dvoyniki v sisteme personazhei khudozhestvennogo proizvedeniia (na materiale zapadnoevropeiskoi i russkoi literatury XIX veka): Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. M., 2013. 23 s.

Kuchkin V. A. Dmitrii Donskoi i Sergii Radonezhskii v kanun Kulikovskoi bitvy // Cerkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noi Rossii: Sbornik statei. M.: Nauka, 1990. S. 103—125.

Kuchkin V. A. Pobeda na Kulikovom pole // Voprosy istorii. 1980. № 8. S. 3—21.

Lepakhin V. V. Dvoyniki v drevnerusskoi slovesnosti i tipy dvoynichestva. 13 s. URL: https://drive.google.com/file/d/1i9yUOFF_s9D-R3DahAO1i9QsTkQx_osT/edit.

Likhachev D. S. Chelovek v literature Drevnei Rusi // Likhachev D. S. Izbrannye raboty: V 3 t. L.: Khudozhestvennaya literatura, 1987. T. 3. 520 s.

Likhachev D. S. Smekh kak mirovozzrenie // Likhachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. Smekh v Drevnei Rusi. L.: Hayka, 1984. S. 7—71.

Lotman Yu. M., Uspenskii B. A. Rol' dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury (do kontsa XVIII veka) // Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Vyp. 414: Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. [T.] 18: Literaturovedenie. Tartu: Tartuskii gos. un-t, 1997. S. 3—36.

Mingalev V. S. «Letopisnaia povest'» — istochnik «Skazaniia o Mamaevom poboishche» // Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta. M., 1966. T. 24, vyp. 2. S. 55—72.

Moiseev D. A. K voprosu o postroenii russkikh polkov na Kulikovom pole // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 2: Istoriia. 2007. Vyp. 1. S. 3—8. URL: <http://www.russiancity.ru/hbooks/h064.htm> (data obrashchenia 23.03.2023).

Orlov A. S. Literaturnye istochniki povesti o Mamaevom poboishche // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. T. 2. S. 157—163.

Petrov A. E. «Aleksandriia Serbskaia» i «Skazanie o Mamaevom poboishche» // *Drevniaia Rus'*: Voprosy medievistiki. 2005. № 2 (20). S. 54—64.

Petrov A. E. Kulikovo pole v istoricheskoi pamiatii: formirovanie i evoliutsiia predstavlenii o meste Kulikovskoi bitvy 1380 goda // *Drevniaia Rus'*. Voprosy medievistiki. 2003. № 3 (13). S. 22—30.

Polnoe sobranie russkikh letopisei: [Reprintnoe izdanie]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 2000. T. 11: Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu (Prodolzhenie). 254 s.

Povest' o razorenii Riazani Batyem // *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi*. M.: Khudozh. lit., 1981. Vyp. 3: (XIII vek). S. 184—199.

Povest' vremennykh let // *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi*. M.: Khudozh. lit., 1978. Vyp. 1: (XI — nachalo XII veka). S. 22—277.

Povesti o Kulikovskoi bitve / Izd. podgot. M. N. Tikhomirov, V. F. Rzhiga, L. A. Dmitriev. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 511 s.

Priselkov M. D. Istoriia russkogo letopisaniia XI—XV vekov / Podgot. k pečati V. G. Vovinoi. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1996. 325 s.

Prokhorov G. M. Pamiatniki perevodnoi i russkoi literatury XIV—XV vekov. L.: Nauka, 1987. 292, [1] s.

Razin E. A. Voiny Drevnei Rusi. Ot pokhodov Sviatoslava do srazheniia Aleksandra Nevskogo. M.: Algoritm, 2018. 240 s.

Robinson A. N. Evoliutsiia geroicheskikh obrazov v povestiakh o Kulikovskoi bitve // *Kulikovskaia bitva v literature i iskusstve*. M.: Nauka, 1980. S. 10—38.

Rudakov V. N. Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII — XV veka. M.: Kvadriga, 2014. 270 s.

Rudneva I. S. Obraz russkogo voina v drevnerusskoi literature // *Vestnik Brianskogo gosuniversiteta*. 2016. № 1. S. 196—202.

Rymar' N. T. Poetika romana. Kuibyshev: Izd-vo Sarat. un-ta, Kuibyshevskii filial, 1990. 254 s.

Salmina M. A. K voprosu o datirovke «Skazaniia o Mamaevom poboishche» // *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. L.: Nauka, 1974. T. 29. S. 98—124.

Salmina M. A. «Letopisnaia povest'» o Kulikovskoi bitve i «Zadonshchina» // «Slovo o polku Igoreve» i pamiatniki Kulikovskogo tsikla. K voprosu o vremeni napisaniia «Slova». M.; L.: Nauka, 1966. S. 364—370.

Seleznev Yu. V. K voprosu o takticheskoi rasstanovke voisk na Kulikovom pole // *Edinorog'*: Materialy po voennoi istorii Vostochnoi Evropy epokhi Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni. M.: Kvadriga, 2009. S. 153—159.

Seleznev Yu. V. Polemicheskie zametki ob obraze tatar v russkoi srednevekovoi knizhnosti // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). Ianvar'—Iiun'. S. 215—232.

Sergienko K. Kulikovskaia bitva. URL: <https://stihi.ru/2012/03/23/1151>.

Shakhmatov A. A. Otzyv o sochinenii: S. K. Shambinago. «Povesti o Mamaevom poboishche». SPb., 1906 // *Otchet o dvenadtsatom prisuzhdenii Imp. Akademiei nauk premii mitropolita Makarii v 1907 g.* SPb.: Tipogr. imp. Akademii nauk, 1910. S. 180—192.

Shambinago S. K. Povesti o Mamaevom poboishche. SPb.: Tip. Imp. Akademii nauk, 1906. VIII, 376, 190 s. (Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Akademii nauk; T. 81, № 7).

Shtal' I. V., Popova T. V. O nekotorykh priemakh postroeniia khudozhestvennogo obraza v poemakh Gomera i vizantiiskom epose XII veka // *Antichnost' i Vizantiia*. [Sbornik statei]. M.: Nauka, 1975. S. 53—89.

Sineva E. N. Problema dvoinichestva v russkoi literature XX veka: Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk / Pomor. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Arhangel'sk, 2004. 26 s. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/problema-dvojnichestva-v-russkoj-literature-xx-veka.html> (data obrashcheniia 23.06.2003).

Skazaniia i povesti o Kulikovskoi bitve / Izdanie podgot. L. A. Dmitriev i O. P. Likhacheva. L.: Nauka, 1982.

Skrynnikov R. G. Kulikovskaia bitva: Problemy izucheniia // Kulikovskaia bitva v istorii i kul'ture nashei Rodiny. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1983. S. 43—70.

Sokolova L. V. Chronicle Narrations About the Battle of Kulikovo: to the Question of Relationship of Monuments // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb.: Nauka, 2014. T. 63. S. 305—353.

Sokolova L. V. Kak skladyvalos' literaturnoe predanie o blagoslovenii Sergiem Radonezhskim Dmitriia Donskogo na Kulikovskuiu bitvu // IX Chteniia po istorii i kul'ture Drevnei i Novoi Rossii: [K 700-letiiu prepodobnogo Sergiia Radonezhskogo]: Materialy nauchnoi konferentsii (Yaroslavl', 25–27 sent. 2014 g.). Yaroslavl': ID «Kantsler», 2016. S. 62—89.

Sokolova L. V. Ob istochnikakh rasskaza o Kulikovskoi bitve v svode 1408 goda (Troitskoi letopisi) // Akademik A. A. Shakhmatov: Zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie: Sbornik statei k 150-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo / Otv. red. O. N. Krylova, M. N. Priemysheva. SPb.: Nestor-Istoriia, 2015. S. 294—308.

Sokolova L. V. Origins and Special Features of the Texts of the Kulikovsky Cycle // Russkaia literatura. 2020. № 3. S. 153—164.

Sokolova L. V. Prozaicheskoe «Skazanie o Mamaevom poboishche» i poeticheskaia «Zadonshchina»: istoriia vzaimovliianiia // Prekrasneishei: pamiati Eleny Dushechkinoi. SPb.: Nestor-Istoriia, 2022. S. 16—24.

Sokolova L. V. To the Question of Dating and Authorship of the Legend of the Mamaev Massacre // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb.: Nauka, 2020. T. 67. S. 643—682.

Sokolova L. V. What Was Reported About Oleg Ryazansky in the Author's Text of The Tale of the Battle of the Kulikovo? (To the Question of Later Insertions in "The Chronicle Tale") // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb.: Nauka, 2019. T. 66. S. 76—109.

Tikhomirov M. N. Kulikovskaia bitva 1380 goda // Povesti o Kulikovskoi bitve / Izd. podgot. M. N. Tikhomirov, V. F. Rzhiga, L. A. Dmitriev. M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. S. 335—376.

Toporov V. N. Sviatost' i sviatye v russkoi dukhovnoi kul'ture. M.: Gnozis; Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1995. T. 1: Pervyi vek khristianstva na Rusi. 873 s.

Tvorogov O. V. Literatura Drevnei Rusi: Posobie dlia uchitelia. M.: Prosveshchenie, 1981. 128 s.

Uspenskii B. A. Boris i Gleb: Vospriiatie istorii v Drevnei Rusi. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 2000. 128 s.

Zhiliakov S. V. O nekotorykh arkhетipicheskikh dual'nykh obrazakh v «Povesti vremennykh let» // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2018. T. 7. № 4 (25). S. 164—168.